

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

ТРИ ГОРСТИ ЗЕМЛИ

ПРИТЧИ И СКАЗКИ

Москва
Издательство «БПП»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГ	3
КОЧЕРГА	5
КОНЧИНЫ ЛАСТИКА.....	8
ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ ГАЕЧКА.....	10
МОЛОТОК И ГВОЗДИ.....	13
КАНАВА	14
ПОВЕСТЬ О ЧАЙНИКЕ.....	15
СЧИТАЛКИ	18
ВЕСЛО И ЛОДКА	19
ТРИ ГОРСТИ ЗЕМЛИ	20
...ДЁМА И КАКТУС	24
НАРОД ЖАЛКО.....	28
СОСЕДИ.....	30
КРЕСЛО	36
КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ.....	40
ГЛАВНОЕ ДЕЛО	41
ГОРЕ — НЕ БЕДА	42
МОДА	43
НАРОДНЫЙ СОВЕТ	46
КРИТИКАНЕЦ	49
ЗЛАЯ ЛЮБОВЬ.....	51
СИНДРОМ СИДОРОВОЙ КОЗЫ	53
ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР.....	57
ССОРА.....	62
ДВА ТРАКТОРА	64
ЛЕТАЮЩИЙ ДАЙГА.....	66
НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ	70
ВАЛЕНКИ.....	72
ДРУЗЬЯ	86

ДРУГ

Давно это было. Тогда еще зарплату выдавали не пыльными мешками, а настоящими тенежками, вырезанными из дерева, а поэтому называли их — деревянными. У всех была такая бестолковая работа, что и придумать невозможно. Героя нашего назовем просто — Он. Так уж его называли. А его жену звали — Она. Детей у них было четверо: Малыш, Малышка, а остальные еще Малышня. Он на работу ходил постоянно. Она тоже работала, но только около дома своего; то чертополоху насеет на обед, то одуванчиков наловит к ужину. На завтрак они ели теплый туман с горячими зарницами.

Однажды Малышка принесла домой крохотного зверька с пушистым хвостиком и белой мордочкой. Она предложила унести этого беломордого туда, где он был. Дети захотели ухаживать за этим животным, которого называли Другом. Решили оставить у себя одинокого и слабого найденыша. Взрослые любили смотреть на Друга, а дети гладили его по спине и смеялись так громко и весело, что соседи злились и жаловались в Бюро по тишине. Находились и другие. Они просили разрешения погладить зверька и получали от этого совершенное веселье.

Как-то погладил зверька мальчик, у него перестали болеть ноги. Приходили и гладили Друга больные дети, а уходили здоровые и радостные. «Вам нужно брать за исцеление деревянные», — советовали отдельные люди, но Он запретил брать с больных детей теньки. «Вы могли бы

поправить свои финансовые проблемы»,— говорили этим странным, которые не хотят жить хорошо за счет своего питомца.

Друг исчез. Дети искали его долго. Им помогали соседи, но пушистого нигде не было.

На работе у нашего героя начались проблемы. Его вызвали в Бюро по доходам и предъявили счет, дескать, незаконно получаете прибыль. Он пытался доказать, что ни одной монеты не взяли, пока Друг жил у них. А теперь исчез. Это могут подтвердить соседи по кварталу. Но глухими оказались работники бюро. Взыскать незаконную прибыль решили они с тех, чьи дети получили здоровье, подаренное зверьком. Те заплатили, а куда деваться, посчитали, что лучше отдать деревянные, лишь бы дети могли смеяться и прыгать от радости в парке с мачты на резиновой верёвке.

Дети нашли своего питомца. Он сидел у забора кирпичного дома. Лапка у него была ободранной. Дети принесли его домой, но родители выставили Друга на улицу под град и снег.

«Нам опять придется доказывать, что мы не получаем доходов от зверька». «Ну и что,— говорили дети, — мы станем работать, заплатим все налоги, ведь его нужно лечить. Неужели, вы его оставите без помощи?» «Несите куда хотите»,— сказал Он, хотя понимал, что делает неправильно. В глазах детей становился плохим человеком, но как быть? Она была мудрой и стала думать, как поступить, чтобы остаться хорошими родителями для детей и спасти зверька, приносившего много радости. «Его нужно отнести в лечебную часть для больных зверят, — сказала

Она утром детям. — Там поправится, а вы будете навещать пушистого». Дети согласились. В лечебнице сказали, что зверёк неизвестной породы, а потому его не могут принять, чтобы избежать неприятностей от Контрольной комиссии.

Дети принесли Друга домой, стали лечить теплой росой и жареной морковкой. Отец рассердился, не зная, что ему делать и как поступить, ведь на этот раз никто не поможет ему оплатить налоги и штраф. Тенег в доме очень мало. «Как-нибудь выкручусь,— подумал,— пусть остаётся, пусть меня отправят на принудительный труд...»

А ночью, когда все смотрели сны, Друг снял повязку, открыл окно. Он всё понял. Если бы умел говорить, рассказал кто он и откуда, почему ободрал лапу.

Его украли, хотели получать теньки, если бы исцелял больных, но он потерял дар.

Как жить, если ты не можешь приносить добро? Но его любили не за чудесный дар, а за то, что он был просто пушистым зверёнышком с хвостиком.

КОЧЕРГА

Кочерга была худа и трудолюбива. Всю зиму работала, а летом стояла в углу и отдыхала. Все нормальные любят отдыхать после жарких трудов, когда зелень охладит деревья и кусты, а небо заголубеет, и никаких буранов и выюг.

Она могла бы давно пойти на заслуженный покой, её стаж в горячем цеху был велик. Чувствовала себя нормально, хотя товарищи — ухват и сковородник взялись отдыхать изо всех сил. Хозяйкина внучка покрасила их и отнесла в музей. Они окружены заботой и постоянно на людях.

Ближе к осени хозяин её выставил вместе с плитой и совком. Поместил в сарае. Для чего? Чтобы нахальные куры их пачкали? Хозяин выбросил и печь. Разобрал по кирпичикам. Установил газовую задаваку. Она дурно пахла, почти, как куры. Такие степенные дверки вывез на свалку утиля. А ведь мог кому-нибудь подарить на свадьбу или именины. Кочерга вполне могла поработать еще, хотя бы экспонатом. Не глупей этого чапельника, который стал рассеянным. Из-за его склероза хозяйка роняла на пол то чугуна с пареной тыквой, то сковородку с котлетами или запеканкой. Она могла бы много чего порассказать, ведь её отковали еще в допотопные времена. В Сибирь привезли, когда переселенцы отправились на земли не мереные. Называли нежно — клюка.

Много воды утекло из чугунок на плиты, которые при этом лопались от гордости, но верили, что они так умело заставляли нервничать и пузыриться кашу и выплескиваться щи. Она трудилась бессменно. Лезла в самое пекло. Любила порядок. Березовые головни подчинялись безо всякого ропота. Эти вахлаки, рожденные навозными кучами, прозываемые кизьяками, даже и не думали противиться. Потом стали возить его — черного, пыльного, смрадного. Любил он повторять: «Я породистый, всех жарю, жарю...» Жалким становился к утру, когда она

его сгребала в совок. Чем он нравился людям? Березовые поленья отдавали себя почти без остатка. У этого комкастого и смердящего репутация была подмоченная. Даже после того, как его высыпали в печь, в ведре было мокро. Ей было неприятно находиться в мокром вонючем ведре, после того как её бросали в него и она фыркала и шипела. Колосники любили кочергу. Она их старательно чистила от шлака. Работы не боялась. Куда же они делись? — вздыхала кочерга, чувствуя, как начинает ржаветь. Плита ворчала на кур, дребезжа своими кружками, обещая поджарить, как это она умела делать в далекое время. Что она может без огня? Он родился от крохотной палочки, стремительно пожирал лучинки и разный сор. Покушать любил. Не привередничал, хрустел дровами, кизяками, а, разбушевавшись, плясал и даже играл на трубе. Настоящий был трубач. Душа у него была музыкальная. Даже стрелять научился водой и паром в трубах отопления. Бывало такую пальбу устроит на ночь. Салютовал сам себе. Трудилась кочерга до белого каления, а какая благодарность?

Помнит, как не пришел тот, что по проводам скачет и воду в котле греет. Буря была. Оборвало все снасти со столбов. Померзли хозяева. Её вспоминали добрыми словами. Зла не помнит она. Пригласили бы — пошла. А вдруг и понадоблюсь. Обиды прощаю, но гнаться не умею. Провели газ в дом. Не боятся, что ребенок маленький, а старушка бестолковая, суетливая забудут выключить крантик. Вчера хозяин отнес стальную клюку в кузню. Изуродовали там её, отковав три скобы.

Теперь кочерга на высоте, крышу сарая держит. Должность не велика, но ответственная. А то, что её клонировали, разделив на три части, так это ничего не значит. Жизнь еще и не такие повороты закручивает.

КОНЧИНЫ ЛАСТИКА

Он работал в конструкторском бюро с первого трудового дня. В процесс особо не вникал, но прогулов не делал. Работал честно, резину, как говорится, не тянул. Если требовал технический процесс, мог придти в выходные. Грамот почетных не заслужил, а званий таким не давали. Не выпячивался, не заискивал, но всегда был на работе, что называется, под рукой. Без него дело бы не встало. Незаменимых давно нет. Коллектив был стабильным. Притираются друг к дружке за время труда. Привыкают. И вот незаметно Ластик кончился. Был нужен, на него надеялись, хотя особой любви к нему не испытывали. Он никогда не подводил, не умел жить иначе. Был обыкновенным, ничем не выделялся, в споры не вступал, политические события не обсуждал, а к переменам относился спокойно. Не высказывался по поводу нововведений руководства, не сокрушался, если забывали пригласить на вечеринку. Рассерженным его не видели, на собраниях никого не критиковал. Немного до пенсии не доработал. Кончился. Судьба такая, планида. От судьбы не уйдешь. Ластик тоже не ушел. Естественный процесс. Стерся. Даже хоронить оказалось почти что нечего. В урне праха не видно. Кинулись коллеги что-нибудь из его

имущества на память взять, а брать-то и нечего. Не нажил ничего такого, чтобы можно раздать знакомым. Чего наживешь? Зарплата чудошная. Только на предметы первой необходимости и хватало... Он и жениться не стал, чтобы не влезать в долги, не расстраивая будущую половину по поводу отсутствия шуб, квартиры, ковров, хрусталя и прочей бижутерии житейской. Обходился без семьи. Одному проще. Вполне заметное явление среди населения.

Коллеги по цеху, глядя в урну, громких и слезливых речей не произносили, а говорили разное и в основном о себе. Об ушедших чего говорить? Его не поднимешь, а жить надо как-то дальше. «Такая уж наша участь,— сказал Карандаш, глядя на жену-Точилку, которая каждый день строгала его, укорачивая и без того короткую жизнь,— скоро за Ластиком в урну отправлюсь. Жены всегда дольше живут. Тёр он Ватмана, старался, исправляя чужие ошибки и огрехи, а почестей никаких не зарабатал. Даже похоронить не могут торжественно. Бросили в урну и руки отряхнули. Нынешний преемник Ластика— молодой жесткий, суровый. Нынешние все почти такие. Кожу снимает с Ватмана безо всякого стеснения. Он понимает, что на этой должности карьерного роста не увидит никогда, вот и старается, а жизнь таким подарков не дарит. Не жалел себя Ластик. За всё отвечает Ватман, он крайний, ему и достаётся больше всех». «Согласен с тобой»,— прошелестел, побелевший Ватман. «Всё оттого, что молчим,— горячо заговорила Точилка,— Безотказные. Не бастуем. Вон Лампочка, чуть что— головка заболела, светить перестала. Служите всем без разбора. Кто в

руки возьмет». «Обязанность у нас такая,— проговорила Линейка шершавым надтреснутым голосом.

В молодости ударилась о голову. Она кривит, что называется, гнёт свою линию, но этого никто старается не замечать. Зачем? Не те времена. Всем на всё наплевать. Ответственность для Линейки не свирепая необходимость. «Мы не такие,— сказал Карандаш, имевший привычку ломаться,— как Ластик, работаем не по призванию, если честно сказать, а под нажимом». «Если на вас не давить, так и проку не будет никакого»,— сказала Точилка, скрипя тупыми лезвиями.

Наступила тишина. Все думали над своей жизнью. «Возможно, вы правы, но если по большому счету,— начал Циркуль, складывая ногу на ногу.— Если посмотреть глобально...». «Не крути, братец,— сказал Карандаш,— говори прямо, а не вокруг да около». «Если бы он не был таким мягким и податливым, кто знает, как бы началась или закончилась его жизнь».

В конструкторском бюро наступила тишина, все смотрели в сторону компьютера, а он, по слухам, умел делать всё, но о сокращении штатов никто не думал всерьёз. Надеялись, веря, что всегда смогут устроиться по специальности.

ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ ГАЕЧКА

Не так давно поженились Гаечка и Болтик. Ничто не омрачало семейную жизнь. Повстречалась Гаечка с Ключом. Иностранец. Швед. К тому же разводной — бле-

стящий, модный, на другие ключи не похож. Принялся в танцах Гаечку кружить. Болтик понимал к чему всё идет. Подобное с ним как-то было. Один ключ его держал, а второй— с большой силой скрутил Гайку, да так быстро они расстались, что и глазом не успел моргнуть, как стал холостяком в компании таких же старых и молодых Болтиков и Болтов. Просит жену держаться, не поддаваясь на уловки Разводного, а той и горя мало — веселится, обласканная вниманием иностранца. Какая же Гайка слушает своего мужа на балу, когда ей весело. Мазутного Болтика не может Гаечка сравнивать с иностранным франтом в сверкающем наряде, который жил отдельно от остальных ключей в специальной коробке. Болтик родился на станке в колхозной мастерской. Никакой особой закалки, никакой цементации. Получил резьбу наспех. Сразу послали трудиться в какую-то дыру. Ночью его встретил Кронштейн. Тогда и окрутили его с незнакомкой, которая постоянно повторяла:

— Я фабричная. Я на ответственном посту долго находилась. Меня уважали. Мама моя тоже была на сложном механизме до пенсии. Никто из нашей семьи с самодельными не водился. В твой комбайн я попала случайно — на прорыв бросили из города за высокие заслуги. О чем говорить с тобой, деревенщина? Ты дальше своего поля ничего не видел, а мне доводилось покататься по белому свету, посмотреть на других и себя показать.

Болтик молчал, не вступая в подобные беседы. Она была по-своему права, что он мог увидеть? Стерню и черную землю. Когда шел дождь, мок со всеми деталями и узлами, когда была зима, мёрз на машинном дворе, куда

определяли комбайны, приподняв на специальные подставки, чтобы резиновые колеса не портились от веса машин. Весной какая-то птица свила гнездо около него. Пищали птенцы, требуя корма у своих родителей. Шуму было много. С утра до вечера свист, драки за мух и гусениц. Улетели. Иногда всё же показывались, но не надолго. Летом начинается ремонт. Комбайн готовят к трудной работе. Что-то меняют, что-то срезают сваркой. Болтик с Гаечкой тоже попали под плановую замену...

Старая Гайка говорила Гаечке, чтобы она держалась своего Болтика. Он, хотя не очень образован, не блещит, как некоторые заводские, зато каков хозяин — крепок и верен. «У меня все грани сорваны,— говорила Старая Гайка,— а не поддаюсь ни Торцовым, ни Накидным, ни Рожковым, а этот Разводной — тьфу на него. Форсу много, а толку ни на виток, хотя он многих раскрутил и разъединил». Не слушала её Гаечка. Ей было лестно, что с ней танцует иностранец, рассказывает забавные истории с некоторым акцентом. Не заметила, как и что получилось. Остался Болтик один, а Гаечка покатила по наклонной. Свалилась с верстака и затерялась в обществе брошенок. Ржаветь стала напрополую. Никакой пользы никому. А у Болтика новая супруга— Корончатая. Принцесса да и только. Она раньше любила покрутиться с ключиками, пока не «закодировалась» шплинником. Остепенилась. Такая домовитая стала, что все Гайки её в пример ставят Гаечкам. Можно поставить точку, но спросите, вероятно, о Гаечке. Отыскался её след. Нашли в мусоре под

верстаком. Лежит в банке, в керосине вся, возможно куда-нибудь и сгодится.

МОЛОТОК И ГВОЗДИ

Гвоздиков много, а молоток один. Трудился без выходных. Привычки бастовать у него с детства не было. Как возьмётся за работу, zalюбоваться можно. Колотит и колотит. Скромняга. Но с некоторых пор наметилась у него тенденция к высокомерию. Откуда и что? Мать Кувалда, всю сознательную жизнь в кузнице по наковальне стучала, а если попадала по чему-нибудь железному, то уж достигала поставленной цели.

Ленивым молоток не был, а вот зазнайство и чванство появились. Шушукается с Гвоздодером, а отвес обозвал «свиным цепнем». Что это за инструмент плотники не знали, но догадывались — ругательство.

Гвозди презирать стал. Вгонит какого-нибудь бедолагу по самую шляпку и скажет: «Сиди, дурашка, не совывайся. О твоём благе пекусь. Никуда не попадешь, не потеряешься. Знай, своё место» Со Скобами стал панибратствовать. Они хотя не особо интеллигентны, шляп не носят, вогнать их с одного удара — не получится. Сразу на место не поставишь, трудиться надо до желтых искр...

С мелкими Гвоздиками вообще по хамски обращался. Со всего маха обрушивался на голову какого-нибудь бедолаги, старавшегося показать гонор и железный нор. Как бы Гвозди ни сопротивлялись, а с Молотком у них разговоры были короткими. Укорот давал всем и еще бахвалился, дескать, каков я — ударник .

Шли годы. Многих Гвоздей Молоток поставил на место, но стал терять прежнюю резвость. Часто промахивался. Сгибаясь, гвозди хохотали и говорили:

— Достукался, стукач,— а что тут можно говорить? Говорить, в самом деле, нечего.

КАНАВА

Лежала она у дороги много лет. Никто не знал, откуда взялась. Стали замечать, что в канаве всякий сор копится, сорняки расцветают пышно, а то теленок в грязи застрянет. Всё больше людей стали ругать Канаву, а некоторые сельчане так и говорили, что нужно зарыть Канаву — сравнять, чтобы и памяти не было. Придется за лопаты браться — соглашались отдельные селяне, но находились и другие, которые пытались заступиться за Канаву, дескать, нельзя без неё.

Сторонников уничтожения канавы оказалось намного больше. Они кричали громче и принялись резво орудовать лопатами и совками. Живущие рядом с канавой, под шумок принялись таскать из сараев мусор и разный хлам, накопившийся в процессе деятельности хозяйственной. Валят в Канаву старые калоши, рваные фуфайки, ломаные корзины и даже навоз повезли на телегах. Завалили Канаву дружно. Ведь ничто так не сближает, как горячая напряженная работа. Отдельные граждане, не видевшие друг друга несколько лет, обрадованы встречам, произошедшим благодаря решению канавного вопроса.

Прошло несколько лет. Проезжая часть улицы стала далеко не проезжей. Образовались ямы и колдобины.

После дождя в них скапливалась вода, превращаясь в грязь. Автомобили застревали по самые рамы. Тракторы, и те с трудом преодолевали образовавшееся болото. В погребях карасей стали ловить. Бельё в сундуках плесневе-ло. Мальчишки на плотках в школу плавают. По утрам хор лягушек пробовал голоса, а уж вечерами пели они само-забвенно и артистично. Улицу стали называть разными словами, не совсем праздничными. Нашлись те, кто пом-нил то время, когда с Канавой расправились, забросав му-сором до верха. Отыскались и те, кто защищал канаву, не давая её заравнивать. Стояли у края болота селяне и чеса-ли затылки. Что получилось? Хотели навести порядок. Многие гордились своей идеей и детям рассказывали, как трудно было воевать с канавами. По всему селу были уничтожены. Кто-то, говорили, премии получил, а может быть, и медали.

Мужички принялись, чтоб не утонуло село в грязи, откапывать Канаву. Трудно оказалось это делать. Завали-вать было легче.

ПОВЕСТЬ О ЧАЙНИКЕ,
который не умел менять свои принципы

В старом серванте был прописан один Чайник. В предновогоднюю ночь с ним и его друзьями произошла эта история. Мне её рассказала Старая Фронтонская Кружка во время совместного путешествия на природу. Станным был этот Чайник. Сиреневого цвета, на боку носил часы, но он только назывался Чайником, а на самом деле, никто не знал его биографию. Чаем никого не угощал, потому

что не умел. Носик у него бутылочный. Чайник был Новогодним, а угощал самым настоящим шампанским. Я поверил Кружке. Она была в боях, и врать не умела. Имела ранение осколком мины. Её хозяин ремонтировал, выправляя бок гранатой. Конечно, она была ручной, но молотка у солдата не было в то время. Лопата была, котелок был, винтовка а, вот молотка не оказалось в ту минуту ни у кого из его отделения. Чего там, не было молотка во всей роте.

Хрустальная Рюмочка осталась одна на белом свете. Фужеров скопилось в серванте великое множество, а Рюмочки убывали с каждым праздником. Чайник встретил Хрустальную и полюбил. Она тоже выказывала Чайнику свои знаки хрустального внимания. Она с детства любила всё необычное, а Чайник как раз был таким.

— Как я сверкаю?— спросила Рюмочка, крутнувшись на тоненькой ножке.— Правда, я самая оригинальная?

— Вы — чудесны...

— Вы какой-то тихий. Чайники обычно бурливы и горячи. От тебя несет холодом. Мне всегда устраивают теплый приём.

— Я — такой. Бурлить меня еще не научили.

— Что ты вообще умеешь делать? ...Хотя бы свистни. Разок.

— Извините. Мне свистеть нечем. Я же не свирель, а чайник.

Рюмочка удивилась. Она очень любила удивляться и звенеть. Если вы услышите, как звенят рюмочки, — это значит, они говорят: «Люблю я тебя...» Чайник не знал об

этом и не придавал значения словам Рюмочки, которая к тому же умела красиво петь.

— Отвязалась бы ты от парня. Он степенный. Когда надо стреляет своей пробкой и наливает пенное шампанское. У меня от него изжога, но немного не повредит, — говорила Кружка.

— Тогда стрельни. Для меня. Хотя мне нравится марочный коньяк, от шампанского не откажусь сегодня... Это о тебе написал поэт Николай Тряпкин: «Выпьем с горя, где же чайник»?

— О ком же еще, — сказала Фронтная.— Обо мне писал Александр Сергеевич Пушкин. Он всегда спрашивал у няни, куда я подевалась, чтобы сердцу стало веселей.

Чайник посмотрел на свои часы и задумался. Он бы мог стрельнуть, но у него был принцип— стрелять только в одно и то же время. Он не умел изменять ему...

— Понимаете, я стреляю только тогда, когда приходит он...

— Ты кого-то ждешь?

— Мы все его ждем, — заговорили граненые стаканы, и даже фужеры посмотрели в сторону Хрустальной.

— Раньше времени он не станет стрелять, — сказала Фронтная, — Даже в окопах мы ждали его вместе со всеми солдатами и командирами.

— Ради меня! Ради нашей встречи! Можешь хоть раз нарушить свой глупый режим?

— Не могу, — сказал тихо Чайник.

— Хороший ты, но не Тефаль. Жди своего, Сиреневый. Ты меня раздражаешь мелочностью и занудством. Я

не прошу невозможного. Раз стрельни и всё. Делов-то куча и маленькая тачка. Прощай! Голубой.

— Сиреневый — я, — застенчиво проговорил Чайник.

Новый год пришел незаметно и всегда в одно и то же время. Чайник произвёл свой салют, наполнил стаканы и фужеры шампанским. Не забыл о Фронтowej. Настроение у него было неважным. Но постепенно Чайник развеялся. О Хрустальной позабыли. Она выпала из поля зрения. Лишь утром хозяйка обнаружила её под столом. У неё была сломана ножка. Хозяин мог бы её восстановить. У него было несколько разных молотков и молоточков, но он не умел ремонтировать Хрустальные рюмочки.

СЧИТАЛКИ

Решили в музее сделать выставку умных вещей, которые помогают решать примеры и задачи. Решили и сделали; кое-что из дома принесли, из запасников, так сказать, всё равно без дела валялись который год. Не применялись в практической жизни. Написали этикетки, разложили по полкам. Ночью, когда вещи остались без присмотра, всё и началось.

— Я тут самая главная, — сказала Логарифмическая линейка. — Старше всех. Родилась в древней Греции. Я— детище Великого Архимеда. Он выстрогал меня и научил всему, что теперь умею я. Умею многое делать...

— Брось те вы, пани, я главный. — Звякнул арифмометр.— Ты деревяшка, а я Железный, а звать меня — Феликс.

— Кусок железа. Рука устанет крутить твою ручку. Мясорубка, — хихикали калькуляторы.

— Только я умею проводить прямые линии, — проговорила Линейка.

— Гнёшь ты свои линии, старушка, — усмехнулся Феликс.— А вы бы помолчали. Без розетки и батареек простое действие не сможете сделать.

— Мне батарейки не требуются. Без розетки с током вполне работоспособна. Мне и солнце не нужно. Я — старше всех вас тут. Меня изобрели, когда люди голышом под стол ходили. Я — счёты. Меня можно и в воде мыть и на мороз выставить. Вас, дорогой Феликс, нужно беречь от влаги. Что мы ссоримся? Я вас всех люблю всеми 94—мя косточками. Все мы — родственники. Должны жить в мире и согласии.

В музейном зале наступила торжественная тишина. Экспонаты подружились, а утром пришли дети, чтобы узнать о том, как совершенствовалась счётно-вычислительная техника.

ВЕСЛО И ЛОДКА

Жили на белом свете два друга — Весло и Лодка. Куда одно, туда и другая. Во многих походах побывали, но всегда выходили победителями из передряг, которые случались с ними на реках и озерах. Многие завидовали

крепкой дружбе товарищей. Однажды разговорилась Лодка с Доской. Родственники — как-никак.

Лодка о своём житье подробно рассказывает, а Доску просто корчит и гнёт от зависти. «А ты знаешь, — говорит Доска, — что Весло как хочет, так и вертит тобой, помыкает, одним словом. Само в воде купается, своим отражением любит, а тебе вся тяжесть груза достаётся...». Задумалась Лодка. Верно, борта порой трещат, швы расходятся, а оно горюшка не знает: «буль-да-буль».

Отправились в поход друзья. Река стремительная, течение сильное. Весло потрескивает от напряжения, удерживая Лодку на глубине, отворачивая от торчащих из воды камней. «Хорошо тебе, Весло, в прохладных струях купаться, а я от груза вот-вот развалюсь. Борта мои трещат, днище прогнулось, тебя еще везти приходится...» Ноет Лодка, выставляет себя мученицей и страдальницей, обвиняя Весло в том, что оно помощи не оказывает. Весло молчит. Некогда пререкаться, нужно бороться с течением. Каждая секунда может обернуться бедой. Река стало уже, а течение сильней. Лодка ругать начало Весло разными словами, припоминая выдуманные обиды. Весло не выдержало и сломалось. Тотчас течение подхватило Лодку и понесло. Лодка пыталась выровнять направление, но не могло, не умело. Ударившись о торчащий из воды камень, Лодка опрокинулась и, развалившись на куски, затонула.

ТРИ ГОРСТИ ЗЕМЛИ

Эта история произошла не очень давно. Возможно даже в вашем городе или в добропорядочной деревне. Мне её рассказали несколько лет назад попутчики в автобусе.

В некотором царстве в некотором государстве жил мальчик. Он рос и вырос. Стал большим, женился, чтобы у него были дети и жена, которую звали Гатя. Голя работал на работе. У него было много друзей. Одного звали Фаня, другого Лёжа, третьего Икорь, а остальных — тоже как-то звали. После получки, которую получали на работе, они собирались на берегу горного озера и зюзюкали. Если не зюзюкать получку, то она скапливается дома, мешает жить. Гатя и другие жены время от времени тоже помогали мужьям зюзюкать. Но у Гати голова стала со временем кружиться, как ненормальная. Останавливать её было трудно. Гатя находила предлог, чтобы не зюзюкать, а дома быть со своими родными детками. Голя с приятелями каждую пятницу зюзюкал.

Однажды они поссорились. Выступил он на собрании с критикой. Это была справедливая критика, но признать её никто не захотел. Кто же признаёт критику, пусть даже и справедливую? Никто. На другом собрании все стали критиковать Голю, но уже несправедливо. Если все говорят неправду, то она становится правдой. Получилось, что друзья его предали. Враги не предают. Всегда предают друзья.

Голя жутко обиделся. Несправедливость она не то, что обижает человека, а просто жить не даёт спокойно. Голя стал плохо жить. Перешел на другую работу, зюзюкал дома каждый день. К нему пришла мысль. Он решил

доказать свою правоту бывшим друзьям. Но ничего не получилось. Друзья не захотели его слушать. Это еще больше его обидело. Он стал грустить. Со своими ребятами перестал ходить в парк разноцветных желаний. Всё думал и думал над обидой. Думать надоело и ему захотелось отомстить приятелям. Чувство мести стало расти и вскоре он только и жил этим, упиваясь гордостью и предвкушая сокрушительную идею. Идея не рождалась. Он стал её искать в разных книгах. Но подходящей идеи мести не подворачивалось.

Неожиданно для себя отыскал смысл мести. Обрадовался. Мстить не умел, но принялся обдумывать свой поступок. Назвал свою месть: «Три горсти земли». Голя радовался за себя. Чтобы осуществить месть, он изменил образ жизни. Занялся чтением книг, которые учили, как обрести смысл жизни, как изменить своё поведение.

Гатя не разделяла его устремлений, говоря, что совсем необязательно так поступать с собой чтобы доказать бывшим друзьям свою правоту. Голя отправился к цели. Его невозможно заставить думать и жить иначе. Такой он настырный, что ничего не хотел слушать и ни с кем, не считался.

Гатя постаралась увидеть в поведении мужа положительный аспект. Она это умела делать. Чтобы не переживать, нужно найти что-то хорошее, а потом это поднять на высоту своего умозаключения. Тогда проблемы станут мелкими. Когда проблемы уменьшаются, то их можно не замечать. Так Гатя из негатива делает позитив.

Чтобы достичь цели, Голя каждое утро бегал в парке, опускался в прорубь, если пруд замерзал. Он ел только

ту еду, которую рекомендовали ученые из книг. Он отказался от своих вредных привычек, а у него было много маленьких слабостей. Первый раз он бросил три горсти земли с какой-то сладкой радостью. Месть свершалась. Он чувствовал себя великолепно. Обидчики и предатели получили своё. Жизнь мстителя превращалась в кошмар. Он боялся простудиться, а поэтому избегал сквозняков. Эпидемии гриппа, посещавшие город, наносили вред здоровью многим людям. Голя боялся заразиться, не выходил из дома и никого к себе не пускал. Его дети выросли и покинули странного родителя. Он не видел внуков и не стремился с ними общаться. Гатя страдала от болезней и старости. Он жил один, обзванивал своих бывших друзей. Узнав, что кто-то неизлечимо болен, говорил о предательстве, незаслуженной обиде...

Голя сдержал своё мстительное слово. Но радости почему-то не было. Он бросал свои три горсти земли и думал, что напрасно жизнь потратил, лишив себя вредных привычек, маленьких слабостей. Он бы мог путешествовать по свету, но боялся болезней, боялся умереть и не выполнить мести. Голя давно простил обидчиков, давно забыл причину обиды, которая жгла его сердце и не давала спокойно жить.

Чему отданы лучшие годы? Глупости, — считал он, разговаривая сам с собой, ранними часами. А рядом текла другая жизнь, в которой был инородным телом. Из нормального человека превратился в экспонат, объект наблюдений ученых-геронтологов. Голя плюнул на свои режимы и диеты, собрался и поехал к правнукам. Радо-

вался встречам с престарелыми детьми. Впервые за много лет выпил вина и закурил. Он был счастлив.

...ДЁМА И КАКТУС

Котик Дёма встретился с кактусом на площадке с мусорными баками. Произошло это в полдень, когда солнце начинает греть весь наш посёлок изо всех сил. Дёма должен был увидеться со своим другом Барсиком и его приятелем Мурзиком как раз у мусорных баков, чтобы полежать в тени и обсудить проблемы. Дёму вы должны знать. Он живёт на даче у Деда, который очень любит капусту и выращивает её на огорожке.

Мягко шагая на своих лапках в белых башмачках, помахивая хвостиком с белым кончиком, кот первым прибыл на место встречи. Он увидел глиняный горшок. В нём сидело безобразное существо, истекающее зелёной кровью. Дёма мог бы помочь пострадавшему, но как? Он обнюхал горшок, цветок.

— Кто тебя так разделал? — спросил, тряся лапкой.
— Может, нужна помощь? — Зеленый молчал, стойко перенося свою боль. Кот лизнул самую большую рану, полагая, что это как-то снимет боль. Лежавший подавил вздох.

— Кактус, — сказал тихо.

— Дёма, — представился котик, прогибая спину. — Тебя лечить надо. Когда у меня завелись блохи, Дед лечил. У тебя кто завелся? Тебя отдубасили? Скажи кто. Мы

с Мурзиком найдём твоего врага, а Барсик нам поможет разодрать на кусочки...

— Я.

— Ты? Зачем себя драл? Это больно. Ну и глупо...

— Понимаешь, я жил там, на втором этаже. Меня поливала добрая Фея. Её каблучки стучали как музыка. Я ждал её прихода и старался расти. Фея иногда разговаривала со мной. Мне казалось, что я умею летать. Мне было достаточно её взгляда, чтобы моя жизнь стала разноцветной как радуга за окном. Дёма, ты умеешь быть счастливым? — спросил Кактус.

— Это когда ты сидишь на скамейке и всю ночь ждёшь Деда, забывая, что холодно?

— Ты чувствуешь, когда он придёт? Ты ждёшь его, как солнца? Как рассвет?

— Ну, а кто ж его будет ждать? Тыквы или капуста? Огурцы его не ждут, они еще такие зелёные.

— Когда он приходит, что тебе хочется?

— По-разному. Я бегу и встречаю его у калитки. Я трюсь о его брюки и тапочки. А еще я катаюсь по траве. Тогда он меня гладит. Ему хорошо и мне хорошо. Когда он грустит и сидит на лавке, пуская за чем-то дым из бороды, мне хочется его погреть. Тогда я тоже становлюсь грустным.

— Это настоящее счастье. Хочу сделать что-то необыкновенное, чтобы Фея смеялась и пела. Я ей подпеваю.

— Кактус, а когда что-нибудь Дед даёт вкусное — это тоже счастье? ...Я лакаю молоко и удивительно счастливый... А ты лакаешь молоко?

— Только воду? Молоко не пробовал?

— Жаль. Ты несчастливый.

— Понимаешь, Дёма, молоко и вода — это еда, а счастье его нельзя увидеть. Невозможно потрогать. Оно просто счастье. Когда я был ничей и меня держали на прилавке магазина, я был у всех на виду, но я был одинок. Да, вокруг было много людей, но я не чувствовал заботу. Она пришла в магазин, увидела меня, и обрадовалась. Я тоже обрадовался. Меня охватило теплом и светом, я запел о пустыне, где родились мои предки. Она из всех кактусов выбрала меня. Это было здорово. Я чувствовал, что она очень привязана ко мне своей заботой. Я привязался к ней...

— У моей мамы нас было много. Мы были пушистыми с белыми пятнами, но я был чёрный. На лбу у меня треугольник белый, подбородок белый и на груди белая полоса. На бороде у меня чёрный галстук. Он немного на боку, но это уже не поправить. Кончик хвоста у меня белый. А на каждой лапке белые кроссовки. Когда мы подросли, стали бегать, качаться на шторах. Не слушали маму, а она просила, чтобы мы вели себя тихо и не шалили. Мы не понимали её. Вскоре нас всех выбросили в этот мусорный бак. Я смог выбраться. Какая-то тётя взяла меня, но я был, слаб, с трудом дышал, издавая звуки. Даже пищать не мог — так обессилил в баке. Она бросила меня в траву. Не помню, как мне удалось приползти к Деду в огород. Он услышал меня. Принес в избу, стал кормить и ухаживать за мной. Он даже ночью вставал и давал молока. Он спас меня. Мы живём вместе. Я не балуюсь, но если ему захочется поиграть со мной, делаю вид, что мне

чрезвычайно нравится хватать бумажку на нитке, грызть её. Приятно ему, нравится мне. Дед такой старый. Мне жалко его. Он даже не может ловить мышей. Сколько раз я показывал. Приносил мышь, а он не реагировал. Вдруг он умрёт от голода, кто тогда будет ловить мне рыбок?

— Ты привязался к Деду. Заботишься о нём.

— Он не мешает мне ловить мышей. Я не ем его капусту.

— А у меня одни проблемы в голове. Я думал, как сделать так, чтобы ей было хорошо жить на свете. Я и сейчас думаю. ...Эти мои колючки. Они такие острые. ...Были. Когда Фея поливала меня, всегда укалывалась. У меня, их было ровно четыреста двадцать. Они были такими крепкими и острыми, что Фея вскрикивала, они втыкались ей в крохотные мягкие пальчики. ...Не все. А только две или одна.

— Надо же аккуратно поливать,— погладил лапой своё ухо Дёма, — Я наступил на осколок стекла. Хорошего мало. Недавно оцарапал Деда. Мне стало стыдно.

— Как-то ночью ко мне подобрался ёжик. Ему что-то не спалось. Поболтали. Он почти мне родня. Весь в колючках, как я, но только у него есть четыре ноги, как у тебя, но хвост маленький. Галстука у него черного нет, но усы есть. Он рассказал, что в бору, где он живёт все балдеют. Но что это такое я не понял. Я попросил его выдернуть мои колючки, чтобы Фея никогда не колола свои пальчики. Ёж не соглашался. Я его убеждал. Мы почти поругались.

— Ты, правда, странный, Кактус. Выдернуть четыреста колючек— это же долго.

— Конечно, Дёма. Но я не хочу приносить страдания. Помучаюсь немного, и всё будет хорошо. Ведь она так обо мне заботилась. Показывала подругам и радовалась, когда я зацвел. Ты умеешь цвести?

— Цвести ни к чему мне. Умею мурлыкать, когда Дед берет меня на свои голые лапы. Он любит меня и. За это я его люблю. Позволяю себя гладить, хотя мне это и не всегда нравится. Можно потерпеть, если ему хочется погладить меня по шубке.

— Вот и я решил потерпеть...

— Фея обрадовалась?

— Когда она увидела, как ёжик дергает зубами колючки, то испугалась. Сначала выбросила ёжика, а потом и меня.

— Ничего не понимаю,— сказал Дёма, устанавливая горшок, а точнее то, что от него осталось.— Глупый, Кактус, ты изуродовал себя, надеясь на то, что ей будет приятно смотреть на твои раны? Ты добрый. Когда-нибудь колючки отрастут. Фея снова будет тобой любоваться, а ты станешь ждать её шаги, слышать её голос.

— Я помню, как пахли её руки. Мои колючки никогда не отрастут. Посмотри, Дёма, на окне у Феи другой цветок.

— Не печалься. Тебя заберет мой Дед. Мы будем вместе греться на подоконнике.

НАРОД ЖАЛКО

Прошлым летом вдоль бора брёл недалеко от свалки Ваучер. Прогуливался. Слышит, кто-то плачет. Обошел груды мусора и увидел на старом валенке Акцию.

— Ты чего ревешь, подруга?

— Народ жалко,— отвечает сквозь слёзы Акция,— такой он доверчивый...

— ...Глупый...

— Весь народ не может быть глупым.

— Темнота. Обгайдарился народ. ...Жаден. Захотел по две автомашины получить, захотел денег срубить по тысячи процентов на твои сестренки. Понёс последние деньги, чтобы, получив Акции, жить безбедно, а как говорят в Сингапуре— бесплатная халва только на поминках. Вот и поминают, как звали продавцов акций.

— Не виновата я, а всё равно жалко народ...

— Чего ж его жалеть. Он бы подумал, покупая твоих сестёр, откуда возьмут гроши на оплату процентов. Это на каком автозаводе и за какое время можно склепать авто и раздать тем, кто моих братьев выкупил за свои кровные? Умный народ не стал бы поддаваться на уловки и враньё. Так ему и надо.

— Кто-то еще плачет,— проговорила Акция,— Пойдём посмотрим. Может, помощь нужна.

— Помощница отыскалась...

Продрались сквозь кусты Ваучер и Акция, видят тупик железнодорожный. На ржавых рельсах дядечка лежит и в голос ревет, просто головой бьётся о шпалы. Гравий кругом потемнел от слёз. Попытались утешить незнакомца. Ничего не получается. Хотели от рельсы оторвать и домой проводить. Выяснили, что дядя прирос к рельсе

всем своим исстрадавшимся телом. «Вот беда,— проговорила Акция, вытирая дяде нос,— Дома семья ждёт, а он тут прирос». Приехали люди с пилой и отпилили кусок рельса, дядя с железякой на спине в машину шикарную сел и поехал.

— Жалко дядю,— всхлипнула Акция. Послушал я их, вспомнил, что где-то и у меня лежат акции и бумажки от ваучеров оставшиеся. Правда, жалко, что так уму-разуму учат.

СОСЕДИ

В деревне, что за рекой, у плоского холма жил мужчина со своей женой. Жили не очень, чтоб на широкую ногу, но работали не по часам, а по солнцу. Солнце всходит, а эти, как больные, на поле бегут. Солнце за лес садится в изнеможении, так мужчина с женой домой ползут еле как. Растили жито на хлеб, на калачи и на самогонку. Тыквой и редькой от диабета сахарного спасались. Гречневую и пшённую кашу ели с маслом топлёным и силы восстанавливали после работы. Было у них чего на праздник надеть и на стол гостям поставить. Детишки росли, и тут же работу посильную работали в огороде. Помогали родной семье, не имея возможности фулиганить и лоботрясничать. Сам-то мужчина, когда ещё жил без бороды и без портков, бегал за гусями и коров пас, своих и чужих гонял.

Как-то мужчина покинул деревню с возами пашеницы, чтобы смолотить её где-нибудь на мельнице. Ехать пришлось далеко. Близко не было речки мельничной.

Ветрянки ещё делать не умели как положено. Сделают ветрянку, дождутся ветра, приготовят мешки под муку. Смотрят, а мельница раскрутится и улетает. Чистый вертоплан получался. Потом на этих вертопланах людей взяли по миру катать за меру куриных яиц. Денег тогда тоже не было в той стране.

Возвратился мужчина почти без муки, а лицом грустный. Говорит жене, что видел по дороге одну семью, даже ночевать довелось у них. На столе— квас и лук, а на печи даже дерюги проносились до основы.

— Дал им муки немного мешков. Давай к весне семян дадим малость.

Жена поплакала глазами от жалости к бедным людям и согласилась с мужчиной.

Год, как концерт Коклюшкина, пролетел. Поехал мужчина опять на мельницу с пшеницей. Возвратился ещё грустней, чем в прошедшем году. Стал с женой совет советовать.

— Давай,— говорит,— дадим,— говорит,— нашим знакомцам семян на посевную, а то у них животы подвело.

— Дадим,— всплакнула жена всем лицом,— чего же не дать. Что же у них не уродилось пшеница?

— Уродилась. Не выколосилась.

— Почему,— прицепилась женщина, как репей в конячий хвост.

— Поздно посеяли,— ответил мужчина с печалью в бороде и в усах.

— Отчего же поздно?

— Оттого. На ярманку ездили, медведку ручного глядели, на каруселях каруселили. Шибко ихним дитёнкам захотелось подудеть в свистульки глиняны. Когда им было орать землицу? Я сам в такого соловья дул. Заливисто поёт соловейка-пташка, если ему в нутро воды влить. Нутро такое, что без воды не поётся ему, как ни дуй во весь рот. Посмотрел я на них и печаль обуяла. Лебеду кушают на обед варёную, на ужин пареную. Покушают и в соловьёв дуют. Покушают и дуют. У нас жито уродилось. Давай дадим соседям.

— Не обеднеем,— сказала жена мужчине.— Разживутся, так возврат сделают,— долго всё же ворчала, так как хотела магазинных пуговиц купить к парадному армяку, керосину для лампы, чтобы зимой тонко прясть и чулки вязать, а ещё мечтала детям подарить на Рожество большую книжку с картинками, по которой можно грамоте насобачиться, как псаломщик.

На другой год поехал мужчина молотья на мельницу. Завернул обратно к знакомым. Сидят те по лавочкам, стучат ложками по пустому чугуну, знают, что дядя добрый. Мучки отсыплет на шанежки, семян даст безвозвратно. Как выяснилось, что пашню не пахали, гречу и просо не сеяли. Землю в аренду сдали. А сами по игрищам и свадьбам дудят в соловьёв. Навострились насвистывать и наплясывать— прямо ансамбль Берёзка получился второй. Кто калачом отблагодарит, кто блином угостит, а кто и поклонится радостно. Сказывали, что ездили в заграницу на фестиваль народной музыки, где им призидали. Такая статуйка— Золотой Орхвей. Золота и не лежало рядом, когда расколотили, то глина одна бурдова.

Заслушался мужик, слезьми уливается от грустной оратории, загляделся на голодных плясунов, которых ветром вздымает к небу. Вдарил шапкой по лавке и насыпал им в закрома муки.

Приехал во двор, мокрую бороду портянкой вытирает, так как рушник, отжатый от слёз, сохнет на дуге. Рассказывает жене, как люди страдают в голоде и в холоде. Та женщина самостоятельного мышления была. Её даже в думу хотели в первую избирать, а она самоотвод взяла. Телеграфом написала своим избирателям, что законы выдумлять ей некогда, надо рассаду капустну и картошку от жуков колорадовских оборонять. Мужу своему импичмент строит со словами:

— Вот ведь, блин горелый, до чего ты довёл народ своей демократской добротой. Помогать надо тому, кто работы ищет, а не на площади свищет. Ты виноват в том, что они голодные. Своими посылками повадки дал. Твои дети по ярманкам не слоняются, из глиняных соловьёв воздуха не пускают наружу. Работают парни и девки. Нужно мне им к школе сапожки красные справить и новые диски к плеерам купить. Телефонируй, чтоб не держали надею на тебя, на лёгкие хлеба. Нам и укроп не даётся даром, а почему им кулебяки должны с небес падать? Ничего не получают бесплатно. За всё пусть платят по рыночной цене.

Осерчали лежебоки, получив эсэмэску, кулаками замахали, засемофорили, дескать, дружить не станем с такими жадюгами, других хлебных приятелей сыщем за морем. Мужчине нехорошо стало от этих вестей. Он привык, чтобы его оглаживали, обласкивали, окланялись и навели-

чивали. Вот и сорил семейными продуктами. И в тот раз дал им чего-нито тайно от семьи, передал с оказией.

С той поры повелось. Кормит чужую семью мужчина, из кожи лезет. Плохим не хочет прослыть и жадным. А Лежебокины стали потихоньку богатеть. Перепродают мужиковы подарки без зазрения совести. Вороты новые поставили, крышу на пригоне металлическую приладили, а в городе квартиры купили, европейский ремонт во всех уборных сделали. Требуют, чтобы больше вёз.

— Взялся нам помогать, так помогай, а не хитри. Других хлебных приятелей найдём за морем-окияном и дружить станем с ними. Во всех газетах по всем каналам пропиарим про твою скупердяйскую натуру.

Возит мужик продукты питания, вещи свои из дома тырит, боится печатной огласки. Напишут ведь, оболгут с ног до головы. А потом ничем не докажешь, что от своих кровинок отрывал, а этим возил возами.

Долго ли коротко ли, а насадился мужчина на работе крестьянской и чахнуть стал. Дети ещё не отделились, но и работали в поле не в полную силу. Однажды лето было горячее и посева пожгло. Урожай слабый вышел. Поехал мужчина за помощью к своим друзьям, чтоб занять чего-нибудь.

Ищет по деревне дом под белым железом, а найти не может. Стоит дворец на трёх уровневых этажах. Машины иностранного производства у ворот кучкуются. Звонит мужчина, а его и во двор не пускают, собаками облаивают злобно. Никто не вышел, чтобы подудеть на радостях в соловьи. Чего его встречать, коли приехал на пустой телеге.

КРЕСЛО

Пришел мужичок по имени Додя в хату. Руки помыл. Порядок наводил в свинарнике. Привычка такая с детства, как встанет, глаза не продрал, а бежит в сарайку. К обеденному столу сел в задумчивом ожидании. Его жена по имени Кэтрин поставила на стол миску с борщом, кинула поверх шлепок сметаны из ложки, встала спиной к печи, засунув большие руки за фартук. Мужичок по имени Додя не заторопился хватать ложку, не потянулся к хлебнице, а губы смухортил, как куриная гузка. Кэтрин протяжно вздохнула, быстро шагнула к шкафику навесному. Перед Додей возник стаканок граненый. Нынче таких не выпускают даже в Италии. В кухне запахло свишными маслами и янтарной кислотой. Мужичок сгрёб посудинку, присосался к ней губами и отцедил вовнутрь половину жидкости, яростно цапнул ложку и попёр борщом, попёр, даже сметану— белый айсберг— не растоптал в миске, в красном содержимом, в котором угадывались ломтики болгарского перца, капусты, бруски картофеля, кусочки лука, обжаренного в шкварках свиного сала и подсмаженным толченым чесноком. Когда в глубине миски осталось несколько кусочков чего-то, неважно чего в красноватой жиже, Додя соснул из стаканка остатки, зачистил миску и двинулся на блюдо с холодцом, сваренного из гусиных потрохов, свинячьих ног и головы. Содержимое было добротнo порезано, а не перекручено, как обычно делают нынешние селянки. Жиру сверху не было. Кэтрин всегда перемешивает холодец перед тем как ему окончательно схватиться, а попутно удаляет листья лав-

рового дерева. Любой бы медработник и даже лекарь Малахов сказал, что это блюдо нельзя кушать по причине сплошного холестерина, который провоцирует сердечные и даже раковые заболевания. Кэтрин ему бы возразила, дескать, никто еще не смог вывести в лаборатории ни раковых клеток, ни холестеринных бляшек, которые будто бы укорачивают жизнь. Она точно знала, что все болезни возникают от трихомонад, которые в свою очередь провоцируются излучениями земли исходящие из геопатогенных зон. Каждый врач был бы посрамлен и уложен на лопатки доводами и примерами из литературы. Кэтрин верила, что в загранице прежде чем лечить больного обследуют его рабочее место и жилище, чтобы зря не тратить время и лекарства. Человека невозможно долечить до нормального исхода, а не до смерти, пока будет под воздействием излучения, исходящего из недр матушки-Земли. Она полагала, что излучения нужны для того, чтобы народ надолго не задерживался на этом свете, не переводил зря котлеты и баранки.

Холодец Додя ел с горчицей, а иногда и с хреном, который заготавливал по осени. Кэтрин точно знала, что в Сибири корни хрена, листья обладают чудодейственной силой почище хваленого женьшеня. Она также верила и в корень солодки. Лечила себя и детей этими корешками. Даже в банки с огурцами и помидорками толкала листья хрена, ветки укропа, листья вишни. Жаль, что вам не довелось попробовать её самосолов. В компот она клала сушеную тыкву, листья смородины, малины и земляники. Дети у неё росли умными и довольно здоровыми, так как потребляли растения, в котором есть нужное содержание

йода, чтобы еще и память не теряли в процессе жизни и нужной учебы в школе и училище.

Сама она была сильна и в меру высока, но не худа и не толста, а походила на героинь из индийских кино, которые обожала с детства. Додя тоже не был худым, но и толстяком никак не назвать. Чай и кофе Кэтрин запретила всем домочадцам не то, что пить, но даже смотреть рекламу по телеку. Додя выпил кружку компоту и пошел в зал, чтобы заглянуть в дневники детишек и узнать что там делается в мире. Кэтрин эти катаклизмы волновали мало. Она принялась готовить сливки, чтобы, поколотив их, получить натуральное сливочное масло.

Ничто не предвещало в то воскресное утро никаких проблем. Они возникли на пустом месте. Додя кинул зад в кресло. Не попал. С третьей попытки тоже промахнулся. Падая на пол в пятый раз, рассмеялся. Кэтрин, привлеченная упражнениями мужа, удивилась и предложила ему упасть на диван.

Смотрит Додя телевизор, а сам думает, отчего не мог попасть в кресло. Прицел сбился, решил он, вставая. Весь день прошел в напряжении и попытках сесть в кресло.

Утром сразу попытался влезть в кресло. Получилось. Как только пообедал и выпил «сивушки» кресло не пускало его до себя. Пошел к соседу. Соседское кресло его приняло запросто. Додя, хотя и остался без работы по причине развала Сельхозтехники, где работал регулировщиком топливного оборудования, но соображалка у него осталась. Он сопоставил все факты и понял, что с мебелью происходят явления не простые. Кэтрин сказала, что

надо бросать гнать самогон, а лучше не пить. Додя решил поговорить с креслом. Бросать выпивание нельзя, ведь сивушные масла нейтрализуют вредные клетки. «Живи со мной, как прежде, а то продам». Кресло фыркнуло. «Не продашь. Я тебе не колобок. Всегда буду с тобой Я— это ты, но в будущей жизни. Как же ты избавишься от самого себя?»

— С кем ты разговариваешь?— удивилась Кэтрин.

— С креслом. ...Ничего не допился. Оно теперь будет с нами жить.

— Пусть живет,— согласилась женщина.— Налоги не берут с говорящих кресел, пить и есть не просит, никого вреда нет, обувь не рвёт, дневники проверять не надо. Я вас буду соседкам показывать.

— Согласно,— проговорило кресло,— Можешь и деньги брать.

Купишь новый плед и перетяжку сделаешь, а то кот весь бок когтями продрал.

— С котом я разберусь,— пообещал Додя,— сколько брать за... показ?— кресло сказало, что посетители сами подскажут.

— А ты не пей разную дрянь.

Пошла жизнь у Гурцовых другим руслом. Соседи у кресла советы просят. Все прогнозы сбываются. Как скажет, так и в жизни произойдёт. Люди продукты питания несут, кто деньги оставляет. Живут. Старший мальчишка в институт поступил. Скоро первый курс окончит, будет мебель конструировать.

Завтра и я схожу, узнаю, когда у меня книжка выйдет, вот только закончу эту историю.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ

Ксюша набрала номер телефона Веры, хотела сказать, что в магазине на базаре выбросили в продажу пендикуляры всех размеров и расцветок. Номер набрала: «Алё, сестра, тебе какой размер брать? Пендикуляры отечественные, моль не берёт...» Вмешался голос: «Дэвушка, мы с мамой говорим».

— Я с сестрой говорю про пендикуляры,— тут в разговор вломился визгливый голос дяди и тётки непонятной.

— В натуре, бросьте трубки на пол. У нас скоро играть будем хороший свадьба, а пендикуляров у нас прорва.

— Коля, скажи им пусть отвяжутся. Времени мало осталось до венчания.

— Пендикулярки нам не помешают,— сказала мама из Эривани.— А по какой цене, мы завтра подлетим?

— Не брось трубки, скажите какой цвет, какой шнурок, у нас в Австралии очень редко продают это вкусное блюдо. Нам, девушки прикупите пар десять. Мы давно ищем.

Ксюша записала адрес, потом еще, потом еще.

— Хорошо, что связь такая, а то бы где нам было узнать о таком прекрасном предмете,— сказала дама из Новосибирска.

— Обошлось,— сказала Вера,— сегодня без скандала.

— Культурные люди повстречались,— сказала тётя из Австралии.— У нас такое редко. Никакого общения, никаких неожиданностей.

— Скучно вам, наверное, а у нас подобное часто.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО

Нелли раздвинула плотную штору, игриво толкнула в ребра Адама. На улице разгоралось утро. Адам обнял юную жену, посмотрел на часы— было начало медового месяца. Луч света пробился в дырочку ставни. Адам поднял голову, увидел перевернутое изображение улочки. Неллина мама подходила с кошелкой к калитке.

— Мама с базара пришла,— сказал Адам, предвкусывая блины.

— Откуда ты знаешь?— удивилась девушка Нелли, решившая стать женой и матерью аптекарского провизора Рельтера.

— Смотри. На стене изображение вашей улицы. Мама шла с кошелкой...

Нелли легла на животик и захлопала в ладошки, увидев свою улицу и кусты роз, но только в необычном ракурсе. Проехала телега сборщика молока, пробежали мальчишки с мешками на головах.

— Адам, ты же изобрёл фотографию, а может, синематограф.

— Да. А где я возьму фотобумагу? Столько всего надо. Ну её к Ньепсу и Даггеру. Пусть братки Люмьеры занимаются чепухой. Я им расскажу об этом фокусе. Нам некогда, женушка, пустяками заниматься. Согласись?

— Верно, мой милый Адам. — Согласилась Нелли.— Ты хоть газировку изобрети. Это так просто. Берешь лимонный сок, добавляешь бикарбонат натрия— вот и всё. Пей шипучку...

— ...Пошла она подальше. Пусть сосед ерундой промышляет, а нам некогда, милая. Еще успею... — сдался он.

ГОРЕ — НЕ БЕДА

На площади в сквере перед статуей с поднятой рукой собралась небольшая толпа пожилых гражданок. Это пенсионеры устроили несанкционированный митинг в городке.

Одна пожилая тётка в самосвязанной кофте горячо говорила, что у неё, проработавшей всю сознательную жизнь, на заводе удивительно-лилипутская пенсия, а обещали добавить всем одинаково, но тем у кого большая пенсия и добавили много, а тем у кого крошечная пенсия, тем и добавили крохи.

Другая старуха просто криком кричала, дескать, когда начисляли пенсию, сказали, что у меня зарплата была очень маленькая...

— На свою крошечную зарплату я могла в столицу смотаться на самолете, домой вернуться и там, в ЦУМе покупку сделать, а на нынешнюю зарплату попробуй, слетай в столицу...

— Зато депутаты в думе через четыре года получают чудную пенсию, которая и нам не снилась...

— Нет справедливости!

— А при другой власти колхозник получал восемь рублей — это что пенсия?

Шум поднялся невообразимый.

Тут статуя хлопнула в ладошки бронзовые и сказала:

— Что вы ноете, товарищи бабы? Хлеб у вас в магазинах не переводится, на помойках утиль можно еще собирать и сдавать куда надо. Коллективизацию захотели? Болтушки. Ночью спите спокойно? Никто вас не будит? Феликса на вас нет, говорливые вы мои...

Женщины испуганно закрыли рты руками. Медленно пошли из сквера. Им махал вслед дядя бронзовой ладонью. Они еще помнили кто такой Феликс, знали что значит пайка хлеба и коллективизация.

Они хорошо учились в школе.

Как-то утром горожане увидели пустой постамент. Кто-то приколол бумажку с надписью: «Ушел в розлив».

МОДА

Что такое мода? Вопрос простой. Это пример одного для других. Пример может быть в поведении, в образе жизни, но мода в основном касается у нас одежды. Как-то Анька напялила дочкину юбку и пошла на ферму коров доить. С той поры принялись девки юбки задирать выше или обрезать. В тот день Анютка всё постирала, нечего ей было надеть. На работу спешила, вот и промахнулась. Когда поняла, не захотела возвращаться. Примета у нас в деревне такая — вернешься, приличной удачи не будет.

В то лето Дуська отчебучила, пришла на танцы в майке младшей сестры. Сначала она короткую майку вниз тянула, потом юбку вверх. Ничего не получилось. То одно видать, то другое. Увидели девчатки, как Дуська пупком светит в полумраке и решили умненькие, что это модно так стало ходить на дискотеку. В другую субботу всё деревенское поголовье девок пришли на «скачки» голупупыми.

Кто-то принялся майки обрезать, а кто старое своё донашивать, что сделалось маловатым в процессе роста тела. Даже бабушка Валентинка давеча пришла в сельпо в короткой кофтенке. Повидавшая на своём продавщицком веку Зинуля по прозвищу «Девушка», чуть в обморок не шмякнулась, но удержалась, обняв ящики с бананами.

— Баушка, видимо ли этакое, чтобы степенные гражданки грыжей своей демонстрацию устраивали? Да еще в общественном месте? Тут и дети, и участковый когда за семечками заскакивает.

— Это не ваше коммерческое дело, госпожа продавец, чем я стану демонстрацию проводить. Свобода дадена всем и демократия не роскошь, а средство существования. От родименького правительства пенсию имею соразмерно моей маечки. Как говорили древние хирурги, кесарям— кесарёво...

— Вижу, вижу,— затараторила Зинуля, разглядывая следы ажурной штопки на желтом животе бабушки Валентинки.

— Как-никак, а троих защитников пустила на стройки пятилетки.

— Вот и пусть они тебе помогают, кто как может...

— Это я им помогаю. Огурчиками и прочей огородной растительностью торгую. Вчера хрену накопала ведро, а позавчера корней шиповника нарыла. Полезно от печени больной. Скоро грибы полезут. Главный наш врач тоже промышляет лекарственными растениями. Зарплату дали ему такую, что у отдельных медсестер повыше будет. Где ж ему вторую ставку главврача найти? Негде.

— В городе, конечно, он бы мог частную практику практиковать. У нас в деревне ток зубами и пломбами можно промышлять,— согласилась продавец,— Баушка, в бору, небось, комары донимают?— Народ как-то оживился, задвигался...

— Куфайку надеваю премиальную. Мне её за свёклу презентовали в аккурат перед денежной реформой...

— Во время нэпа?— спросил мужчина в драной соломенной шляпе и с пластмассовым разовым стаканчиком в руке.

— Девочки, а что вы тут голыми пупками народ агитируете?—спросил бывший председатель растащенного колхоза у вбежавших девушек,— Не читали, что вышло распоряжение главы, участковый станет штрафовать голопупых; с одного пупка— сто рублей, а у кого два— так двести.

Девочки испуганно рванули юбчонки вверх, потянули майки вниз.

— Недавно почтарка шла по улице, а Димка загляделся на Ольгино достоинство и врулил в столб. Машину — на свалку, а почтальонку — в суд, — говорил председатель, — Вот вам мода на бедность. При таком изобилии

богатств, носим старые кофты, — бывший председатель поправил драную шляпу и допил пиво.

НАРОДНЫЙ СОВЕТ

Отвратно житьё сделалось в стране Огурцовой. То саранча посева потопчет, то градом огурцы побьёт. Без огурцов жизнь не в жизнь. Огурцы солили, коптили, жильё строили, спирт гнали. В соседнее государство вывозили коробами. Там насобачились из этих овощей бензин гнать и таким путем топливный кризис превозмогали. Когда огурцов неурожай, полный крах и всякие дефолты. Зарплату платить нечем, потому что налоги не собираются, торговля в упадке.

Один огурцовец по фамилии Оболдуев предлагал сенату тыквы выращивать. Из них дома лучше и просторней, вино крепче выкуривается. Прилагал расчеты тыквопровода в соседние государства тянуть. Никто его не слушал. Ампирактор тамошний всё время по заграницам маялся, научных работников ищет, чтобы те огурцову погоду установили. Министрам некогда рассматривать рациональные предложения, Они войну с саранчой ведут, танки и пушки саранчебойные конструируют. Идут года. Житуха не исправляется. Огурцы не колосятся. И как-то нечаянно решили, что нужно ампирактора менять. Написали объявления, на столбах развесили. Ждут, може, кто, и позвонит откуда-нибудь. Тишина. Снова написали, дескать, требуется ампирактор без вредных привычек, с высочайшим ампиракторским образованием, согласным на переезд, трехразовое питание, спецодежда и жильё представляется,

а если кто семейны, так место в садике и работа супруге найдется, подъёмные выплачиваются на каждого члена семьи.

В соседнем государстве ампиракторов было, как семечек в клубе.

Один нашелся паренек. Статью не обижен, учился в школе хорошо.

И красивый — главное. Некрасивых ампиракторов не должно быть. Народ огурцовый воспрял. Замечтал, что огурцы заколосятся, саранча обожрётся и подохнет напроць вся.

Новый ампирактор государство своё по описи примат. Прослезился. В закромах государственных мыши шуршат. Все золотые запасы на саранчу вбухали, ведь после каждой битвы салюты салютовали. Вот и профеейр-веркали казну до копеечки.

Ампирактор голову не стал ломать, а пошел в народ. С одной палкой, с котомкой по городам и деревням чешет. Чтоб страну в долги не вводить, охрану и жену дома оставил. Одному ему ничего не надо, а была б свита, повара, квартирмейстеры, автомобиль с водителями, какие расходы. Одного шампанского бочку надо им. А про закуску и говорить нечего. По полям, по лесам идёт, песню любимую поёт: «Жили у Бабуси две веселых гуси». Советы народные собирает, мудрость народну на мангитофон записывает. У народа этой мудрости завались. Народ встречает своего любимого ампирактора с весельем и чувством собственного удовлетворения. В дудки дудит, в свистульки свистит. Радуется. И учат его сердешного уму и разуму. Как не научить хорошего человека особен-

ностям национального благосостояния. Бесплатно учат. Для себя же.

Через неделю вернулась ампирактор в свой офис, сел за аппарат, программу хорошей жизни налаживать. Все данные, что собрал, вложил на дискету. Ничего не получается. Нет правильного результата. Или компьютер палёный, или данные не те собрал у народа. Пошла вторая неделя. Аккурат после бани компьютер и выдал результат. Чтобы в стране всё шло отлично, в казне было много денег и вино не скисалось из огурцов, надо всем живущим в стране работать с утра и до ужина, а выходного хватит одного в конце месяца.

Разрешил ампирактор всем желающим землю пахать не от забора до заката, а так, как им хочется. Сеять разрешил не только огурцы, но и дыни, арбузы и прочую мелочь. У своих министров отобрал государственные велисипедки и раздал в школы для занятий. Народ сеет что хочет, выращивает, что ему надо. Налоги повалили в казну видимо-невидимо.

Оболдуеву неймется, в газеты строчит заметки, что дома из тыквы полезны для здоровья и не гниют долго. Не знает он, что тыква на полях одичала, стала мелкой. Пока нового ампирактора искали, в поле никто не выходил, не пропалывал. Огурцы совсем измельчали. Раньше одна семья могла огурец весь месяц варить-парить, а теперь в ведро три десятка входит. Саранчу пасти начали. А которая стала молоко давать и сметану, стали коровами прозывать. Вот, что значит народные советы. А вы говорите, что ветер влияет на долготу дня.

КРИТИКАНЕЦ

Один маленький начальник, видя промахи больших руководителей, просто зеленел от негодования. «Вот если бы я решал эти задачи, то уж никогда не стал бы так над свои родным народом делать подобные эксперименты». — говорил он с трибуны, критикуя безбоязненно всех и вся. Любил выступать и критику наводить. Кто-то восторгался, кто-то нервничал, а начальники говорили друг другу, что, несомненно, у него там наверху рука лохмата имеется, значит, надо его подвесить. Подвесили. Стал он средним начальником. Назовем его Ларионом. На каждом собрании он анализы работы делает, пушит нерадивых в хвост и в гриву. Критикует, не взирая на лица. Грамотный. Цифрами так и сыплет, как из рога изобилия. Ну, память! Ну, анализ!

Советуются друг с другом начальники, говорят, что не сносить им голов за головотяпство. Вскрыл наши все промахи и просчеты. За это по шапке дадут. Шапки у них, у начальников норковые — это как спецодежда у доярки. Одного понизили маленького бюрократа, а на его место Лариона поставили. Потеснились, так сказать на своей лавочке, местечко тепленькое насиженное предоставили. Ларион важен, неприступен, как крепость Измаил. Раньше с папкой ходил, а теперь с чемоданчиковым компьютером на авто разъезжает по объектам. Везде находит недочеты и вскрывает язвы нерадивости. Докладывает, дескать, надо искоренять, о народе заботу проявлять, не царско время. Надо строить социализм с человеческим лицом. Переехал Ларион из райцентра в город. Подарков не бе-

рет, спиртное презирает, ничего не просит и не хочет ни с кем сближаться.

Притихли городские начальники. Спрашивают у сельских— насчет новичка, есть ли у него поддержка на высоком уровне. Отвечают туманно и путано. Смекнули «пыжиковые», что новичка голыми руками не взять, решили его как бы повесить, а по простому выслать в глубинку, но на самый ответственный пост.

Закручинился наш герой, запечалился. Одно дело критиковать, а другое— самому извилинками шевелить, соображать, где цемент выпросить, откуда шифер получить, как с народом заигрывать, чтобы вроде как любили, но и побаивались. И взялись проверками донимать. А кормов мало запасено к зиме. Надои низкие, а школы не готовы к учебному процессу. Сверху никто не помогает стройматериалы выбивать. Самому приходится вертеться. Вон чо, поняли начальники и дали Лариону прозвище— Лектор. Сам всех просвещал, учил, критиковал, а оказался и не рыба и не мясо. Прежних сотрудников разогнал, новых набрал. Новые сидят в креслах, умные лица делают, телефоны крутят. Говорят, что входят в курс делов. Входить можно сколько угодно лет, а урожайность и надои надо сегодня.

Отправили Лектора библиотекой сельской руководить. Как только ему удавалось на трибунку вскочить, так и принимался критиковать всех подряд. Анализировал, сопоставлял, но его уже не принимали всерьёз. В народе получил второе прозвище, более меткое— Критиканец.

ЗЛАЯ ЛЮБОВЬ

Били все. Без жалости, ногами, головой— били каждый день. Толкались, набрасываясь по несколько человек. Лишь один стоял в стороне и усмехался. Надо что-то делать, подумал он, забьют. Решился на отчаянный шаг. Подскочил, как можно выше, и полетел.

— Ты куда?!— закричал тот, который его никогда не дубасил.— Не положено...

— Ну, вас всех,— крикнул он сверху и добавил словечко, которое постоянно говорил один из сидевших на скамейке. «Слова доброго никогда не скажут. Одно знают: аут, аут! Я же не виноват» С первых дней всё и началось. Он, было, решил, что в него начали душу вдвухать. Надули. До звона... А потом ногой. Об стену все телом. А казались такими ласковыми. Ничего в вас человеческого и нет...

— Далеко собрался? — раздался насмешливый голос снизу.

— Знал бы — сказал.

— Чего даром летишь? Меня возьми на себя.

— Только не пачкайся и не дерись.

— Доставалось тебе, дружок. Каждый день. В чем виноват?

— Кого бы я обидел? Чем?

— Вернешься, опять начнут бутсить. Никуда не денешься.

— Коварные. Двое особенно. Поймают, к груди прижмут ласково, что-то скажут и ... со всей дури, как долбанут. Даже шкура трещит. Не вернусь. Пусть себя сами...

— У тебя крыльев нет... Как у меня. Смотри.
— Что надо, чтобы крылья отросли?
— Что надо, круглая голова, сам незнаю. Летаю и всё. Наклююсь и пою. У тебя есть песни?

— Нет ни песен, ни крыльев, ни клюва.

— После таких побоев завоешь, не то, что запеть.

Они летели и разговаривали. Тихий ветерок подталкивал мяч все выше и выше. Воробей посмотрел вниз и поджал перья.

— Тебе надо перекраситься. Я видел их— они большие и разноцветные. Их никто не бьёт. Носят бережно за верёвочки. Тогда твоя жизнь изменится в лучшую сторону. Стань хотя бы зеленым. Можешь стать розовым. ...Поможет, уверен. Многие, слышал, так и делают.

— Ничего не получится. Перекрашиваться мне уже поздно. Я же сегодня лечу.

— Ты летишь, потому что тебя пинают. Ты круглый и пустой.

— Твоя мудрость не знает предела.

— Я проживу без них,— сказал мяч,— пусть обходятся без меня. Воробей, стравил воздух. Найди такую дырочку и просунь клюв. Только держись крепко. ...Хватит, хватит.

На футбольное поле мяч упал и не подпрыгнул. Его отшвырнули к забору. Он лежал и наслаждался свободой. Его не били. Им никто не интересовался, а когда-то за ним носились, сломя голову, задыхаясь, хрипя, лишь догнать, лишь бы коснуться. Стоят и переживают. Грустят. Они не могут без меня жить,— подумал мяч,— но зачем били? Им тоже бывало не очень сладко. Кое-кого уносили

с поля на носилках. Почему? Из-за стремления ударить меня, нанести удар, коснуться, получают синяки и шишки. Значит любят. Решил мяч, надуваясь от гордости.

СИНДРОМ СИДОРОВОЙ КОЗЫ

Сидоровы продали корову и купили козу. Во первых трудно с кормами, а во вторых изнашивались в процессе жизни, косить сено и возить за двадцать километров обременительно для стариков, которым скоро будет по семьдесят годков. Деда козочка полюбила. Когда садился на лавочку и доставал папиросы, коза терлась у его ног и по собачьи заглядывала в глаза. Приметила Евдокия, что коза любит жевать дедовы окурки. Спросила у бывшей хозяйки козы, насчет пристрастия, дескать, не наркоманка ли? Оказалось, её папа козел Глобус постоянно у автостанции отирался, с превеликим удовольствием жевал окурки. На молоко не должно влиять...

Розитка — так звали козу — принесла двух резвых и проказливых козлят. Однажды женщина потеряла их. Везде посмотрела, все укромные места посетили— нет. Обратила внимание что Розитка смотрит вверх. Евдокия голову подняла, а её проказники на летней кухне бодаются. На коньке.

В тот день Прокопий сено косил в логу за деревней. Привез домой копенку, раскидал по двору на просушку. Евдокия как раз из магазина пришла. Пенсию получила. Чтобы чем-то порадовать старика, купила пива разливного.

— Мужики в магазине нахваливали, будто бы очень свежее..

Прокопий сел в беседку, овитую лианами хмеля, достал из коробки сушеную кильку. Коза униженно стала просить окурочек. Дед пил пиво, жевал рыбок. Дожевывая окурочек, Розитка не уходила. Прокопий понял, что она хочет попробовать пива. Он подумал, что коза делится с ними молоком, а почему бы ему не поделиться пивом. Полтора литра. На двоих, Почему бы и нет. Евдокия целовала молоко и не видела, что пьяненький дед нашел себе собутыльницу. Она бы ему устроила дегустацию.

Через неделю случилось нечто такое, что ввело женщину в транс. Она доила козу. Вдруг испуганно заметила, что в ведре желтая пена. Запах шел из ведра пивной. Евдокия бы вылила пиво на грядку, но это заметил Прокопий. Удивился. Теплое пиво он не стал пить. Поставил банку в холодильник.

— Вот подхалимка отчебучила. Пивом зачала доиться.

— Может, какой травки поела. Не горюй, без молока не останешься. Разолью по бутылкам и обменяю на базаре на молоко.

— Я ей устрою. Она у меня пофокусничает!— кричала женщина.

— Коза понятие имеет, Пиво дороже молока. Только не пойму— Жигулевское или Блинское. А крепость нормальная... Не причитай. Зачем такую козу продавать. Может, всё и пройдет. Завтра будет молоком доиться.

Прошла неделя, а коза не хотела доиться молоком. Евдокия намеревалась продать козу, но дед не давал. И

сама она увидела пользу, когда Прокопий начал потихоньку торговать свежим пивом. Мужики очередь за козьим пивом занимали с утра. На глазах собравшихся Прокопий доил козу в пластмассовое ведро. У многих пьющих перестала болеть печень, вправились грыжи и рассосались рубцы от операций. Коза любила шумный базар. Окурков там столько, что она их даже не искала — под ногами. Но Сидорову козу невзлюбили продавцы пеннистого напитка. Налоговый инспектор пожаловал по звонку и потребовал сертификат качества, регистрационные документы. Его подняли на смех. Какая же коза даёт пиво? Где ты её видел? Ехидно выспрашивали любители козьего напитка.

Через неделю пришла повестка в суд. Дед пригорюнился. «Говорила, что добром не кончится твоя козья авантюра», — причитала Евдокия, боявшаяся судов, как денежных реформ. Внуки потешались, представляя деда на суде.

— Вы незаконно торговали пивом, без надлежащих документов. У вас нет санитарной книжки, нет кассовой машины.

— Позвольте, я не умею превращать козье молоко в пиво. Был на Земле один человек, но он превращал воду в вино. У вас есть фотографии, но в ведре возможно только молоко. Если вы утверждаете, что пили козье пиво, то вас нужно занести в список психиатрической больницы, а козу — в книгу Гиннеса. Изучать её особенности на научной основе.

Привели в суд козу, начали доить. Надоили кружку молока.

Желающие отпили по глотку и сказали, что пивом и не пахнет.

История попала в газету, как анекдотичный случай. Дед на базар перестал ходить. Отдыхающие в санатории неподалеку от нашего села навадились к Сидоровым отведать целебного козьего пива. Платили хорошо. Фотографировались с ребятишками на полянке рядом с козой.

Перед Купалой у дома Прокопия и Евдокии остановилась машина странной наружности и непонятного лиловатистого цвета. Мужчина худосочный в галстуке и в подтяжках поверх фрака заявил, что представляет интересы голландского торгового дома. Вынул из ридикюльчика бумажки, стал ими хвастаться.

— Покажите мне козу Сидоровой породы. У нас большой интерес по селекции таких животных. Объявление в прессе мы увидели, вот приехали. Пора продать. Хорошие деньги дадим. Берите сто долларов и несите свою козью морду.

— Не продаём коз. Себе надо,— говорит Прокопий в десятый раз. А посланец наступает, денег добавляет. Не выдержал дед и принес козлёнка. Двадцать тысяч смутили старика. Спланировал купить старухе шинковальную машинку, а себе— мотороллер о трёх колесиках. Купил, но еще и на мотоплуг осталось и на компьютер с принтером и сканером.

Коза пивом перестала доиться. Ветеринар ей укол поставил от аномального заболевания, которое назвали синдром Сидоровой козы. Прокопий недолго горевал. Оставшаяся козочка стала с удовольствием жевать окурки, а

вот от пива отворачивается. Наверно, ей еще рановато. Прокопий не теряет веры. Надеется, что у дочки Розиткиной может этот синдром появиться.

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

На прошлой неделе Дима встретил школьного друга Даню. Они не дружили, но их крепко связала математичка. Она подсказала родителям выход из двоечной ситуации. Чтобы дети получали тройки или на худенький конец четверки, нужно срочно найти репетитора. Где? Как? «А я могу помочь ребятам освоить до конца алгебру и простите геометрию». Родители отнеслись к предложению наплевательски. Не стали приглашать репетиторку. И что вышло. Двойки посыпались этаким двойкопадом. За четверть двойки. За полугодие. Понятливые родители стали оплачивать знания любимых чад. Всё стало в дневниках нормально. А у Димы и Данилки— проблемы. А если проблемы, то на тебя смотрят как на больного краснухой или свинкой.

На очередном родительском симпозиуме мама Димы получила последнее предупреждение. На домашнем совете было очень строго и печально. Дима сказал, что двойки случайные. Он регулярно учит, но тётя излишне проявляет заботу и спрашивает на каждом уроке.

Дима засел за математику, как за любимый предмет. И зубрил он её и конспекты делал. Редкий урок пареньки выходили «сухими». Данилка вообще перестал отвечать у доски. Пожаловался завучу о пристальном внимании. Завуч плечиками подергала. Ничего не сказала.

Зато на собрании заявила, мол, закончите восьмой без троек, если покинете школу, оформившись в профтехучилище. Данька согласился, а Митька отказался. Буду, говорит, среднее образование получать. Уперся, как баран в новые ворота. «Что бы я не смог выучить, чтобы сдался проискал какой-то теткой, вымогающей гроши. Не бывать».

Дима перестал на улицу выходить. Друг его Сережа Ерохин, понимая ситуацию, стал помогать приятелю. Трудились мальцы в поте лиц. Данилка вообще в школу редко ходит, зная, что ему тройки всеравно выставят за год по всем предметам.

Хотя годовую контрольную по алгебре Димка на пятерку написал, а по геометрии, которую он знал хорошо, учительница оставила с годовой двойкой, а значит осенняя переэкзаменовка. Данька, который не учил и не маялся, получил тройки. Уговор завуч не отменила. На занятия Дмитрий ходил к пожилой женщине. Задания щелкал, как семечки. Удивлялась старушка, проверяя работу неуспевающего ученика. «А почему тебя оставили на осень?» — спросила, пораженная знаниями подростка, математик. Что мог сказать мальчик, который две четверти усиленно зубрил предмет, воюя с алчной учительницей. Пойдем. В кабинете директора Дима рассказал свою историю от начала до конца. Старушка подтвердила высокие знания паренька. «Если хочешь учиться, учись». Разрешила тётя директор.

Дмитрий разделался со средним образованием, получил диплом и о высшем образовании. Начал работать по специальности. И встретились друзья по несчастью.

Но давайте разберемся что считать несчастьем. Обрадовались молодые мужчины. Шутка ли— прошло восемь лет.

— Помнишь, как я тебя уговаривал в училище поступать,— заговорил Даниил солидно.— А ты всё училке доказывал свои математические способности. Помню твои первые публикации в нашей газете «Металлург». Стишки неважные, а ты мечтал поэтом стать. Поэт— это для души. А мастер холодильных установок— профессия серьезная и денежная.

Дмитрий был согласен с одноклассником, но мечта написать книгу стихов звала его. И он добился своего. Поступил в единственный вуз. Газетные публикации— это еще не книга, но он верил в свою звезду. И работал. Много бумаги перевел. Много нервов потратил. Стихи свои вырезал из больших и малых газетных полотен, клеивал в альбом.

— Работаю фоторепортером. Шабашка. На свадьбах снимаю честные лица молодоженов. Комнатка в малосемейке. Жена и ребенок, — говорил Дмитрий.

— Читайте. Радуюсь. И горжусь. Стоило столько лет потратить на всю суету. Пойдем пивка выпьем. Поговорим.— Даниил открыл дверцу новенького авто, взял чемоданчик, именуемый в народе «дипломат». Бармен встретил их радушно, проводил в отдельную комнатку с тяжелыми бархатными занавесками Дмитрий понял, что его приятель тут желанный гость. Пиво было свежим, а раки оранжевыми. Разговор был без особых поворотов. Вспоминали школьных друзей, случаи из классной жизни. У Феклистова всё было отлично. Успел развестись, ку-

пить еще одну квартиру, полечиться от вредной привычки. Работал и ел, спал и ублажал своё тело, доставляя удовольствия. Отдыхал и лечился от приближающегося диабета— далеко и тепло.

— А что, дружище, давай вместе работать. Станем холод загонять горожанам в квартиры. Одному мне уже трудновато. Стихи будешь писать в новой квартире. на новом диване. Бросай фотоаппарат, бери паяльник. Ты ж практику на заводе проходил. Электричество знакомо. У тебя разряд есть. Жену стихами не прокормить. Согласись. А кто она? Не та, которой в восьмом отказывал знаки пристального внимания? Жалко. Строгая девочка была. Это ты из-за неё с математичкой воевал. Теперь понял...

— Тогда еще поставил себе цель. Без среднего не получить высшего. А без образования никуда не возьмут...

— Талант? Тоже надо,— сказал Даниил.— Мне хватает восьми классов. У меня всё есть. Я могу себе позволить год не работать, два. Меня знают. Тебя печатают, но не знают. Спроси любого завмага, кто такой Феклистов Даня. Тебе скажут. Трудяга. Я могу всю ночь ремонтировать холодильник, чтобы не испортились свиные тушки. Смотри. Мои руки. Движки перематываю. Любой водяной насос могу отремонтировать. Поливай огород. Электрические бритвы, стиралки, фены и прочую кухонную утварь несут. Знают. После Дани будет сто лет пахать. На халяву не делаю. Поэтому платят. Платят за работу. Спасибо той бабе, что меня из школы вытурила.

— Согласен с тобой. Мои гонорары скромны. Повесть пишу.— Горячился Дмитрий, пытаясь как-то подняться в глазах одноклассника и собственных.

— Мне было бы стыдно получать деньги за стихи. Они же— продукт волнения души. Как дети. А как торговать ими? Меняй профессию, мой друг журналист. Сделай правильный выбор. ...Правильно. Всех денег не зарабатывать. Но жить плохо сегодня стыдно. Мы здоровые, не глупые. Нам не надо воровать, чтобы обеспечить своих детей. Ты ведь часто думаешь, когда идешь в магазин, что тебе купить ребенку фрукты или себе бутылку хорошего вина. Ты— выбираешь фрукты. Я ж знаю тебя.

— Да. Бывает такое и не редко. Ты прав, Даня,— говорил Димка.— Нет у меня иного пути. Запрограммировал себя еще тогда, в седьмом. Обратного дороги нет. Судьба так сложилась. ...Не Пушкин. Меня не станут заучивать. Мои стихи не войдут в антологии. Но буду писать. Это мой выбор. У тебя твой.

Говорили долго. Даниил не убеждал Дмитрия сменить профессию. Он его просто жалел, как взрослый дядя жалеет подростка, который прыгал через забор и ободрал ногу.

Они расстались, радуясь встрече, сумеркам и облакам, подсвеченным заходящим солнцем. Улыбка морщилась от ветра, без усталости гоня свои струи в Иртыш. А пиво было отличным... Правда. Дмитрий написал несколько книг, но не стихов и не на следующий год.

2004 г

ССОРА

Встретились два брата. Один спал на улице, а второй в ящике стола. После того, как поболтали о погоде, вспомнили общих знакомых, беседа стала принимать нехорошее направление.

— Странный ты. Всю жизнь живёшь в старом футляре. На людях бываешь редко. Надо же о себе напоминать. Показывать свою значимость. Обо мне заботятся. Тебя хоть раз покрасили? А меня каждый год по два раза красят, подновляют...

— Мне это и не надо. Когда я нужен, с меня глаз не сводят. На меня всякие кошки не залезают и птички не пачкают.

— Я на виду. Издержки профессии бывают. Учю тебя который год. Кому ты что доказываешь? Всё делаешь по старинке, а пора пришла, нужно перестраиваться. Относись к труду по-новому. В ногу со временем иди. Получишь коробку. Ремешок у тебя потёрся. Нужно менять. Делай, дружок, как я. Хотя мы с тобой братья. Не вредно послушать старшего.

— Не могу! Не умею! Не стану!

— Где ты и где я? Ты всегда один. Заржавел, небось. Тормоз ты. Не хочешь пальцем пошевелить. Надо раскручиваться самому, а не ждать, что кто-то придёт и станет за тебя вертеться. Сам.

— У нас разное назначение в жизни. У тебя— одно, а у меня своё. Ты меня не убедишь. Перестраивайся, меняйся, но это не по мне. Все эти новые веяния до лампочки.

— Ты консерватор. Ты твердолобый. Ты не понимаешь своей выгоды. Лавировать нужно, вертеться... Приспосабливаться к ситуации. Ты просто бестолковый. А мог бы забраться высоко, как я. Всё мне видно. Всё слышно. Скоро я стану на две ставки работать. На меня хозяин имеет большие виды. Он ко мне антенну передатчика привяжет. Видит, что я аккуратен, обязанности исполняю отлично. Надёжен. Усёк? А ты надёжен, братишка?

— Как всегда. В любое время суток покажу верное направление. Спасал не раз хозяина. Моё постоянство— вот за что он меня ценит. Ты хоть разок спасал кого-нибудь? ...Почему не важно? Значимость наша разная. Ты вертишься почему? Куда ветер подует, туда и ты повернешься. Все твои разговоры об умении вертеться и приспособливаться ничего не стоят. Невелика заслуга подчиняться чужой воле. Сегодня тебе приказывают показывать на юг, а завтра изменится стратегия, и ты будешь безропотно указывать куда надо.

— Что из этого? Мне не трудно. А ты следуешь своим глупым предрассудкам, глупым и никому уже не нужным. Измени своей тупости и хоть раз смени своё постоянное направление

— Ты что говоришь? Выбрав один раз своё направление, не меняю его. Хозяин потеряет ориентиры и заблудится. А то может и вообще погибнуть.

— Тебе то, что? Пусть погуляет по тайге, подумает, подышит свежим воздухом.

— Даже если бы и захотел, то всеравно не смог изменить себе. Не так воспитан.

— А я могу! Умею в нужный момент показать нужное направление. За это меня и ценят.

— Ты безответственный. От твоей ошибки ничего не случится. Никто не умрёт с голоду, не замерзнет в горах.

Они окончательно рассорились, обзывая друг друга: тормозной, упёртый, консерватор, подхалим, ветродуев прислужник.

2004.

ДВА ТРАКТОРА

Пахали поле два трактора. Один был ловкий, быстро разворачивался и опять к борозде. Второй работал медленно. Аккуратно. Убегал первый от второго. К вечеру первый трактор всё поле вспахал. А второй— лишь половину. Отдыхают они. У первого трактора всё в порядке. А у второго что-то внутри хрустит, звякает. Ночью он стонал.

— Дай поспать. — Говорит первый трактор. — Чего ты ноешь?

— Надорвался, наверно. Не могу в себя прийти.

— Я вдвое больше твоего напахал, чувствую себя молодцом, а ты поле не закончил. У меня и горючее сэкономлено, а ты дымил, как паровоз.

— Это верно,— кряхтел трактор, засыпая.

Утром снова начали работать. Первый трактор опять шел впереди. Над его кабиной развивался красный флажок.

— Видал, — сказал первый трактор второму. — Наградили. Обещали премию и туристическую путёвку.

— Повезло тебе с трактористом. Умный паренёк попался. А мне вот не повезло. Не видать мне такого флажка.

— Почему ты так думаешь? — удивился первый трактор.

— Чтобы мне так быстро ездить, нужно голову иметь. У меня сил не хватает тебя догнать. Вот и греется двигатель от напряжения, вот поэтому и большой расход дизельного топлива.

— Ну а почему?

— Потому, что плоскорез тракторист так заглубляет, что не разбежишься. Я бы рад тебя обогнать, но не получается. Не могу.

— Это плоскорез тебя тянет назад? А мой не очень тянет. Ты от него освободись. ...Как? Сломай его, когда будешь разворачиваться. Если не можешь, так и будешь в хвосте плестись.

Весной стояли тракторы у края поля. Где пахал второй трактор, пшеница взошла обильно, где трудился первый— всходы были низкорослы и редки.

— Видал, как мы тут пахали!?

— Как ты бракодельничал, вижу. Если бы ты землю пахал, а не карябал, то и на твоём поле пшеница стеной стояла.

— Зато мой премии получал, на слёты ездил. Меня ремонтировать не нужно. А тебе поршни меняли. Износился. Завтра тебя в утиль повезут сдавать. А ради чего ты так быстро постарел? ...Его совесть чиста. Скажите на милость, а что это?

1972

ЛЕТАЮЩИЙ ДАЙГА

Когда внук Серёжа был мал, он просил что-то, но сейчас никто не помнит что ему требовалось. Осталось в памяти: «дай, га». Непонятное «ГА» стало именем сказочного персонажа.

Дайга не спал. Смотрел на лучистую звезду в проёме окна. В его квадратной голове путались печальные мысли. В магазине, где он работал перестали толпиться взрослые и дети. На планете Юксоляпке узкоплечие провели через референдум садовую революцию, поставив жизнь народа с ног на голову. По новому закону запрещалось кланяться друг другу и делиться конфетами, говорить доброе утро и помогать слабому, Разрешалось обзывать, дразниться, жадничать и плохо учиться. Белое должны называть чёрным, а черное — синим.

Дети путались, а родителей штрафовали за это. По юксовизору стали показывать вместо мультиков жутики. В моде оказались ужасы и страхи. А Дайга торговал мечтами и весёлыми настроениями. Детские мечты стоили недорого, зато Голубая мечта ценилась еще недавно очень высоко. В каждом доме были Розовые мечты. Каждый юксоляпец имел их несколько штук, ведь мечты с возрастом меняются или пропадают, как пар из кипящего чайника. Грёзы были подешевле, хотя на вкус не все могли быть сладкими, но приятного запаха. Мечтать стало очень вредно для здоровья и кошелька. Узкоплечие преследовали мечтателей, назначая наказания. В прежнее время Дай-

га приносил детям зеленый шум весеннего ветра или запахи цветущего на заре луга. Дети с восторгом нюхали ароматы и слушали музыку радужных ветров. Дети растут медленно. Это кактусы на крышах и балконах вытягиваются за ночь на целых полтика. Дайга любил своих крошек, боялся, что они станут как все, путая плохое и очень плохое с прежним хорошим и радостным. Несмотря на запреты он приносил домой из магазина товары и устраивал дома цветные зрелища из шума теплых дождиков и нескольких залежалых радуг. Никто их не покупал. Считалось дурным вкусом смотреть на красивое. Дети веселились и росли быстрее. Они учились быть счастливыми. Хотя это было под запретом. Это стоило Дайге больших тенек. Надо было платить «за язык», чтобы соседи не пожаловались в бюро тишины. А «языки» невероятно взлетели в цене. Поговорка: «за молчание золотом» многих кормила.

Садовая революция сделала юксоляпцев хмурыми и обарабаненными. Кто выходил на улицу без барабана, штрафовали и колотили спиной о кактусы. Дайга не барабанил. У него палочки падали из рук. Он хотел купить справку о том, что у него заразная болезнь пальцев, но тенек не хватало даже на то, чтобы заплатить за учебу в жголе и за охладители квартиры. Цены подняли, а прежние талоны на холод отменили. Как многодетной семье, Дайге давали бесплатные талончики на понижение температуры в комнатах. Талоны посчитали недействительными. Торговля мечтами пришла в упадок. Мечты плесневели и таяли без применения.

Узкоплечие говорили на каждом углу и писали в сводках укладов выживаний, что святая обязанность каждого — барабанить на всех и каждого, не взирая на квадратные и треугольные лица. Активных барабанщиков воспитывали в детских барабашках, а потом в жголах. Отличившихся обласкивали, награждали, выдавали по утрам в Доме Законов –домзаке— миску галиматьи, заправленной отменной чушью. Не так давно вышел закон, запрещающий летать во сне. Дайга летал. Не мог избавиться от детской привычки. За пофигенство его штрафовали. А вчера он получил последнее предупреждение. Всемогуший пригрозил ратьмой и работами на пользу процветания.

— Почему?— удивился маленький Дайга.

— По барабану. Если каждый начнет без регистрации, без лицензии мечтать или летать во сне, что получит в закрома знака? Оплати курсы, получи корочки и летай— хоть во сне, хоть наяву. ...Нет работы. Ищи. Никто твоих детей не будет кормить, сам думай своей квадратной головой. Твои дети. Твоя и забота.

— Когда они вырастают, они и налоги платят, и призываются на бесплатную работу на краю территории. Пока дети маленькие, они мои, а как вырастут, так обязаны территорию окапывать траншеями. Раньше мне мама могла позвонить в звонок бесплатно, когда я два года копал траншеи, а нынче все звонки платные и даже конверты для записок нужно покупать.

— Это мелочи. Надо забыть старое. Почему ты не торгуешь животным страхом? Я вчера был в твоём магазине. Ни одной ночной страшилки. Они красиво оформ-

лены, а ты не берёшь на базе. Чтобы всё было в витринах. А старьё выбрось в болото. Мы можем послать тебе помощников...

— Так от страшилок у детей пропадает аппетит. Они кричат во сне и не могут летать. А некоторые дети смотрят страшки по юксовизорам. Они заболевают и мокреют каждую ночь.

— Пусть сыреют себе на здоровье. Это плохие дети. Такие от каждого шороха вздрагивают. А ты имей понятие в памяти, что если опять полетишь, тебя заметим, то не отвертишься.

Дайга не успевал привести себя в порядок, как в дверь застучали, забарабанили. Привезли его в Центральный Дом всеобщего счастья. Трое кричали почти хором, что летать во сне давно всем запрещено без надлежащих документов.

— Это непростительно вредно для нашего юксоляпского народа.

— Ты не умеешь барабанить!

— На тебя барабанят соседи каждый день!

И отправили Дайгу в тырбуку. Там не давали понюхать даже дыма горящей свечи. А он мечтал увидеть розового слона на опушке сиреневого леса. В своих снах летал так высоко и далеко, что барабанщики не могли угнаться за ним, ведь сны были у них беспокойные и короткие. Он научился даже жить в своих мечтах.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Закрывая дверь в сарае, услышал чей-то шепот. Кто-то разговаривал. Испугался в первые секунды, а потом прислушался. Один голос показался слегка простуженным и усталым, а второй— был энергичен и немного задиристым.

— Что ты видела за свою жизнь? Ковырялась в земле летом и осенью и даже зимой не стояла без дела.

— Работала. Надсаду получила. Болеть стала.

— Не бережет тебя хозяин и не ценит. Весной, извините сказать, в грязь окунает, а то и в навоз.

— Такое моё предназначение. Я понимаю его. Что он без меня может сделать? Ничего. Ручеёк ли пропрудить, грядку взрыхлить. Уж тебя не будет звать в помощники. Я— с детства привыкла трудиться. Как родилась, так и стала работать. ...Что пенсия, дорогая подруга, пока скриплю, буду пахать.

— Мне жалко тебя. Живёшь ты среди приземленных экземпляров, а мне довелось пообщаться с представителями культуры. Не тебе чета. Вся жизнь моя сознательная прошла в праздниках. В торжественных мероприятиях, так сказать. Повидала я столько красоты, прослушала столько зажигательных речей, столько клятв. А музыка! До сих пор звучат в душе моей оркестры...

— Чем ты занималась? Кем ты трудилась?

— Трудилась? Фу, какая пошлость. Меня всю жизнь носили на руках.

— И меня всегда обнимают теплые руки...

— Но мной не долбят мерзлую землю, Меня никогда не толкали в грязь. Я не роняла своего достоинства. Ты не можешь представить, это здорово находиться в красочной колонне. Ты не слышала трепета разноцветных флагов и знамён. А вокруг портреты вождей, цветы, смех, улыбки, звучат торжественные марши, а тебя несут, несут... Голова кружится от восторга и значимости. Как это было здорово! ...Какая работа? Надо жить счастливо и весело, а ты всё о работе.

— Ты просто бездельница.

— Не скажи. Однажды на выборы нас прибили на самую высокую крышу. Мы там развивались на ветру и на морозе. Но все смотрели на нас, задрав головы. Нас было двое. Да. Чудесное полотнище. Как я его любила. Оно такое яркое, лёгкое. Как оно расправляло свои складки на весеннем ветру, как восторженно трепетало. Это не то, что идти в колонне. Мы были на высоте. ...Что потом? Нас сбросили вниз. Поставили в угол. Мы пылились. Всё реже и реже нас выносили на праздники. Люди уже не радовались, как раньше. Портреты вождей уже не носили. Появились новые трёхцветные полотнища. Шикарные. Блестящие. Меня не забывали. А подружек становилось всё меньше и меньше. Полотнища почему-то стали заменять. Поистрепались они от разных катаклизмов. ...Непонятно? От непогоды. Как тебе объяснить. Погода стала меняться, и флаги меняли. Мы оставались на своих местах, а вот полотнища наши страдали. Одни сдирали, другие— приколачивали. Пришел и черёд моего друга. Осталась я одна. Пылилась в подвале. Пока меня не приметил хозяин. Он вытащил гвозди, оставшиеся от крепе-

ния полотнища, цвета которого олицетворяли республику Белоруссию. ...Что тут непонятного. Флагом я была Белорусской республики. Темнота. Нас было много флагов разных сестёр— республик. Но понемногу они меняли свои прежние краски и линии, гербы и символы. Что дальше? Дальше завхоз загнал меня в железную трубку, которая походит на расческу. Полюбуйся. Теперь мы вместе сгребаем разный мусор.

— Праздники кончились для тебя. Надо работать, милая. Что ты плачешь? Пора забыть прошлое. Ты приносишь большую пользу. Разравниваешь грядки, уничтожаешь сорняки. Демонстрации— это хорошо. А то, что ты делаешь,— великолепно. Без тебя хозяину было бы очень трудно. Только ты умеешь так разбивать комки и готовить землю под посадку цветов, овощей и других нужных культур.

— Но всё лето я бездельничаю. Мне это горько сознавать...

— Ты просто отдыхаешь. Осенью мы опять будем копать, и рыхлить землю для будущих всходов. У тебя новое назначение. Не грусти. Ты прекрасно справляешься со своими обязанностями.— Лопата весело рассмеялась. Грабли облегченно вздохнули.

ВАЛЕНКИ

Скучно стало Сереже. Мама ушла с Аришей в магазин. Решил он сходить к бабушке в музей. Сначала полистал книгу с картинками, а потом принялся бегать по

залам. Несколько раз его просили не шуметь, а он немного передохнет, вновь начинает пугать музейную тишину.

— Где она? Тишина эта? Какая она? — сыплет вопросами Серёжа, а сам во все уголки заглядывает.

— Мудрая она. Никто её не видит, а она всё замечает. Ничего не трогай, веди себя тихо.— Говорит бабушка, а сама на часы смотрит. В одном зале увидел мальчик валенки. Снял сандалии и сунул ногу в валенок. Пришелся впору. Он и второй надел. Так ему весело стало, что от скуки и следов не осталось.

— Поставь на место. Зачем это обул? Сейчас домой пойдём.

Хочет мальчик валенки снять, но не может. Приклеились. Бабушка пытается помогать мальчику, но ничего не получается. Тянут валенок с ноги, подоспевшие две тётки, но безуспешно «Что делать? — спрашивает бабушка, — не идти же ему в музейных пимах домой?»

— Нельзя уходить из музея в экспонатах,— сказал пришедший сторож.— Мальчика поставьте в зале. Пусть стоит экспонатом. Пока валенки не снимете с его ног.

— Мальчику нужно домой,— сказала бабушка.— Его мама будет волноваться, если Серёжу здесь оставить.

— Вот, что получается, если не слушать взрослых и шуметь в музее, нарушая порядок,— сказал старый музейный фотограф.— Сейчас ножиком попробую разрезать валенок, чтобы мальчишка мог ногу освободить. Подержите его, чтобы не вертелся. Не режет нож валенок. Какой крепкий войлок попался.

Фотограф поглядел на мальчика, почесал лысину, ушел звонить в клуб знатоков, что в телевизоре показы-

вают. Серёжа не очень печалился. Валенки ему понравились. Возня взрослых его смешила. Даже когда пришла мама и увидела музейные валенки, когда они пошли домой,— он был в чудесном настроении. А взрослые не очень радовались. Даже наоборот.

— Мама, ребенок пять минут с вами находился, а какие возникли проблемы? Ему в школу через два дня. Он так и будет на линейке стоять? Вы не знаете, мама, а кто мне скажет, что делать с валенками? — сокрушалась мама Оксана, качая головой и вздыхая.

— Серёжа не слушал, что ему говорили. Бегал и трогал экспонаты. Прибежал из зала быта в валенках. Ему было весело. Он и сейчас в чудесном настроении. Снимать валенки будем в мастерской. А то и МЧС пригласим. Не может такого быть, чтобы валенки не снялись.

Вечером Сергей с удовольствием помогал маме и бабушке поливать грядки, собрал выросшие за ночь огурцы и нарвал банку малины для сестры младшей Ариадны. Ужинал мальчик аккуратно, не капризничал, не выбирал что повкусней. Его словно подменили. Он даже раскрыл свою книжку и прочитал несколько слов, которые ему раньше не давались.

Как только Оксана привезла детей в город домой, позвонила в службу МЧС, договорилась о встрече. Вадим не придавал значения событию, которое произошло с сыном. Он верил в возможности оборудования, которое разрезает бетонные балки и «перекусывает» стальные толстые прутья. Когда умелые парни включили свои пилы и попытались снять валенки, он держал мальчика за руку, полагая, что через несколько секунд войлок будет разре-

зан на кусочки. А этого не произошло. Эмчезовские парни развели руками. Даже крохотного и заметного следа не осталось на валенках. Вадим посмотрел на инструменты. Они оказались испорченными. Алмазные пилы не смогли хоть чуточку повредить серый войлок. «Хоть что-то сделайте. Ему в школу завтра».— Просил Вадим растерянных парней. Пожилой мужчина, мотая головой, сказал, что нужно к бабушке, а валенки не простые, тут оборудование бессильно.

Бабушка только посмотрела на валенки, сказала, что всему свой черёд.

— Мальчику не причинят вреда здоровью. А даже помогут найти своё счастье. Пусть он не обращает внимания на тех, кто станет его дразнить или как-то преследовать.

— Ему и в школу в валенках идти?— удивился Вадим.

— За непослушание придется терпеть. ...Не наказание, но памятка на всю жизнь. Никто ему не поможет. И не трать деньги. Не ищи знахарей. Никакие ведуны не помогут. Всему своё время. Так-то, мальчик. Всё в мире связано крепкой ниткой. Ты не слушал старших, нарушил покой экспонатов. А они не любят суеты и колготы.

Оксана отвела сына в художественный салон. Большой мастер кисти Сурепкин оформил из валенок сапожки, чтобы не так сильно в глаза бросались. Учительница знала о странном мальчике. Ей уже подсказали заботливые родители, беспокоясь о том, чтобы дети не заразились от Сережи валеночной болезнью. Учительница успокоила всех, сказав, что это не переходит, но возможно у

кого-то из непослушных и проказливых детей появится один валенок. Это же мелочь. Главное— не баловаться и не вертеться на уроках, тогда никакая болезнь не придёт, а тем более валеночная.

Директор школы был обижен тем, что не сказали об уникальном первокласснике, который пришел в школу на торжественную линейку в старинной обуви. Он разругал завучей, записал выговор медицинской сестре. Сережа не обращал внимания на любопытных, но старался не шалить и сидел на уроках примерно. Он ждал, когда придет тот день, когда валенки сами сваятся с ног. А день не приходил.

Рос мальчик, росли и валенки. На дискотеке в восьмом классе произошло нечто такое, что заставило весь город Лупоглазов говорить о событии. Молодёжь пришла потанцевать в валенках. Это стало модно. А вот в бане, куда юноша пришел с папой, многие чуть со скамеек не попадали, увидев паренька в серых пимах, с мочалкой и тазом. Хохот поднялся такой, что лампочки стали моргать в парилке. Все решили, что хлопчик забыл снять свои катанки, когда раздевался.

На службу в ряды армейские Серёжку призвали, не найдя ничего плохого, если боец станет нести службу в собственном обмундировании. Посчитали, что это и не нанесёт урону, а служить могут все— и в валенках и в бороде и вообще глухие и слепые. Ведь на гражданской жизни как-то живут, а значит, и в казарме не потеряются и на плацу не заблудятся.

Командир полка, в котором служил солдат Серёжа, увидев бойца в валенках, чуть не лопнул по швам, если

бы они у него были. Естественно, объявил за нарушение формы три наряда на кухню. Что толку? Валенки не убыло несколько. Отпахал на кухонных работах боец. Приказы не обсуждают, а их выполняют. Командир роты пояснил командиру полка, что солдат из Сибири, а там морозы. Они, дескать, поголовно в такой обуви живут. С нею и рождаются. «Непорядок!»— рявкнул генерал, не должны подводники рождаться в валенках, а тем более танкисты. Положить на обследование рядового Сергея».

Лежит солдат в санчасти, а служба идёт. Кушает он котлетки, с медбратами научные беседы ведёт. Добеседовались как-то до того, что Сергей под большим секретом сказал, что у него болезнь, которая называется валенканская холера. Не очень заразная, но редчайшая. Дошла эта брехня до главврача, который приказ исполнил, но изучением не занимался. Он ремонт в квартире затеял три года назад. Ему не до пацанов в валенках.

Подумал капитан и решил написать кандидатскую работу о пользе рождаемости детей в валенках или в танковых шлемах. В процессе обдумывания решил добавить и нервное расстройство призывников. Защитился. Болезнь назвали— «солдатское заболевание или порок капитана Клизьмина». Опыты проводились систематически над валенками. Облучали рентгеновскими лучами, травили кислотами. Валенки никак не реагировали, а посему излечения не наступало. Серёжу комиссо –вали, обнаружив у него овойлокование конечностей в обширных пределах, а также валенкофрению среднего закругления пятки. Клизьмин статьи пишет в научные медицинские издания. Их перепечатывают зарубежные коллеги. Клизьмин за-

щитил докторскую и получил подполковника. Начальник штаба полка внёс предложение в правительство, чтобы призывники приезжали на службу в своей обуви, плавках и со своими сухарями, а также матрацами и подушками, дровами и продуктами. Солдатские письма должны поднимать экономику страны. Для этого конверты для писем стали делать из пуленепробиваемой бумаги. Заработали несколько заводов по производству особых секретных полевых чернил и проявительных составов, чтобы враги не могли прочесть написанное.

Сергей приехал домой важный. Побывал мальчик во многих научных центрах зарубежных. По американски насобачился говорить. С Эльфелевой мачты умудрился сто парижанок замочить, а в дрезденской выставке унитаз засорил шелухой тыквенных семечек. Шалун остался, как и прежде, но подарки привёз родичам. Все рады. Танюшка из села Верхние Опушки ему письма писала в армию, а на встречу прикатила со своим пылесосом. Такая традиция в селе, коли девушка собирается семейной стать, первым делом моющий пылесос покупает себе. Пылесосит день, второй. Всю улицу в городе Лупоглазове привела в порядок, словно ждут лицо важное. Народ шарается с непривычки. А потом привыкли.

Семья у них вышла. Серёга вырос, возмужал, стал на Филиппку— певца походить, а что в валенках ложится, так это не беда. Отдельные хлопцы вообще не раздеваются. В чем у свиней чистили, в том и в койку кидаются. В армии дураков не валяют, а чему-нибудь и успевают обучить хорошему. За два года можно и козла на флейте научить играть.

Пришло время мальчику на работу устраиваться. Охранником в универсам захотел, где его папа за электром следил. Магазин большой. На Краснопортовой улице стоит. Раньше там мастерские были по пошиву портков. До переворота. Послали паренька на медицинские обследования. А чего его обследовать. Зашел к врачу. Документы подал.

— Вы б ко мне еще на ходулях пришли, — говорит врач. — На дворе чо?

— Лето.

— Зрение отличное. — Говорит врач. — Катанки скидай. Не плоскоступие у тя?

— Нет. В армии служил. Врачи в Лондоне проверяли. Сказали— веригуд. И звание дали капрала.

— Не годен в охрану. Тя ж комиссовали по причине овойлокования конечностей нижних.

— Дядя, в армию взяли на целых полтора с лишним года. А в охрану нельзя? Служить в пимах можно?

— В армии служить всем можно, а вот в элитном магазине охранником нельзя. ...А вот так. Будете интерьер нарушать. У покупателей могут возникнуть разные нехорошие отправления Икота, изжога, коклюш и прочие аллергии. Вот если бы мы валенками торговали, тогда можно было вас взять валенковой моделью.

Вышел Сергей, матюгнулся по японски. Так и сказал — япономама. Идёт себе хмурый, пиво пьёт Морсинское. Девчата и парни его приветствуют. Он известный стал от катанок. У дома сел на своей улице Синепупинской. Тут и Таня вышла перепоясанная шлангом от пылесоса.

— Пойду, Таня, завтра грузчиком на табачну фабрику пристраиваться. Зарплату не платят, так хоть куревом деда на триста лет обеспечу. Не семечками мне торговать известному человеку во всех государствах. Надо было остаться в Норландии или в Мангерии. Маху дал.

— Не парь мозги, любимый, — говорит Таня ласково. — Подрыхни. Утро вечера покруче. Думать буду я тоже.

Придумала она такое, что от зависти у многих шерсть бы подмышками вздыбилась. Аттракцион решила свой сделать. Пылесос в ломбард сдала, а на выручку заказала афиши и буклеты в наилучшем рекламном бюро. Раз валенки нельзя снять с ног любимого человека значит, они должны не только огорчения приносить, но и радость в виде денежного дохода.

Народу привалило на представление до фига. И пошла потеха. В партере смех и рукоплескания. В ложах кричат браво. А на галёрке свистят. Валенки пилят пилами, а те ломаются. Кислотой травят, а им хоть бы что. Долбойным молотком молотят, зубилы притупили всмятку. Девчатки визжат, мальчишки в пустые бутылки пивные дуют. Столботворение! На второе представление Сам прибыл. Толк знает в постановках, головой качал, в ладошки колотил, будто моль хотел прихлопнуть. «Какой талант у народа, — говорил после антракта жарко и с душой. Наградил Сергея и Танюшку серебряной медалью за развитие народного фольклора и нового жанру. Ордер дал на квартиру пятикомнатную в хорошем районе. Вот как надо народную инициативу поддерживать.

Поехали молодые артисты квартиру осматривать.

Мать и отца с собой в тачку посадили. Приехали. А там дома трёхуровневые. Чистота. Окурок плюнуть некуда. Охрана проводила новосельцев до хаты. Мамке Серёжной плохо сделалось, когда увидела мебель шведскую, кухонную технику японскую, коврики иранские. Заплохело женщине окончательно от такого комвортабельного обустройства. Она всю сознательную жизнь

бельишко в тазике о ребристую доску жулькала. Открыл Серёжа поилку. Бар называется. А там всякие бутылки и флакончики-фанфорики. Ослепленный видом разнообразия, скovyрнулся папа ихний. На кушетку пал и отдыхают во все лопатки. Отходили мужчину стаканом вина марочного. Папа хоть и не пьющий, но выпил, а чего не пить, когда всего много. Пока ужин собирали на стол, папа в креслах принялся спать с прихрапом. Жизнь устоялась, как самосидка в стакане. Можно и поспать всласть. Можно и на унитаза газету почитать о том, что в мире происходит соседнем.

Хорошо с деньгами жить. Без денег и нищему товарищу не подашь и букет женщине не подаришь. С деньгами вполне можно быть гордым и независимым. Независимость и свобода трудом достигаются. Серёжа и Таня не лежебоки, какие. Как мураши работают, не покладая ни рук, ни валенок.

В Дыртройти Сергей стоял в тиглях с расплавленным свинцом. В Квубеки плясал на мангале с углями. В Луверпуле ходил в ваннах с разными кислотами. А в городах Лундоне и Парыже Таня стреляла в мужа. Аттракцион назвала пуленепробиваемая пятка. Сначала она пала из пистолета Глок в бетонную садовую вазу. Разно-

сила её в мелкие камушки. После этого стреляла в мужнины пятки. Многим от этого ужаса становилось плохо. Инфаркты с разными последствиями были. Что делать? В самой японской стране соорудили станок, чтобы валенки перепилить высокоскоростными алмазными фрезами. Ага. Перепилили. Станок захрустел внутренностями и задымил. Алмазные наклейки потом в зале собирали уборщицы японские две недели. Русским валенкам ничего не доспелось. Газеты писали о том, что будто бы под войлоком шибко секретная космическая броня наклеена. Провели экспертизу и доказали обратное. Популярность у наших артистов поднялась, как квашня на опаре. По миру полетели двойники и тройники. Но это не пугало Таню. Как менеджер, она была на своём месте. Талант открылся. Она по всему миру дома создала для девушек и женщин и назвала их Дома нетерпимости. Автобус пустила из многих городов до Лупоглазова. Аэропорт выстроила для самолетного посадочно-взлётного состояния. Акции по всему миру покупала. В промышленность отечественную вкладывала. Старалась, чтобы заводы людей рекламой затягивали к станкам, а не к пивбарам. У мужиков возникло желание получать зарплату, а не пособие, и норму выполнять. Рьянопьщим Таня водку свою придумала, от которой ничего, кроме веселья не бывает, но у этих граждан на лицах возникают полосы, как у зебров. Хочешь быть в полоску, пей. А хочешь стать человеком, сбавь скорость и дозу. Водка раздавалась бесплатно. Кто хоть раз перепьёт, у того на всю жизнь возникает отвращение, как от молочного киселя. Детские дома Таня все позакрывала, а детей передала безматерных и безотцовых в Ульи. Это что-то

похожее на монастыри, где живут и работают граждане или гражданки, а на их попечении находятся ребятишки. Там развиваются, учатся грамоте и разным житейским премудростям. Это не простые поселения— это инкубаторы новых людей. Всем обиженным и пострадавшим от «пирамид» Татьяна выплатила деньги с процентами. Хотела и Аляску взять обратно и открыть на ней республику трезвости, но вышел запрет из Думы. Сказали, что нельзя народ лишать алкоголя, так как в нём много чего полезного, а чего спросила она, но ей ответили, что это наисекретнейшая медицинская тайна.

Прошел год, Таня не носится по круизам и спектакли не организует. Вся семья ждала наследницу. Родилась девочка по имени Варя. Такая самостоятельная на диво. Сама себе памперсы меняет, сама мамину кофту расстегивает и молочко добывает из нужного места. Всё боялись, что у ребенка будет наследована пимная болезнь, нет обошлось. Таня позвонила по телефонному радио и показала по эфиру дочку отцу и деду. Серёжа и папа Вадя были в африканском круизе по городам алмазодобывающих государств, контракты заключали на огранку камней, ведь Сережа до армии учился в училище по обработке ювелирных изделий. Не платили ни шута, а стырить какие-никаки отходы невозможно. На заводе резиновых изделий зарплату давали бракованными шинами, на монетном дворе люди получали медными грошами, а вот на заводе обрабатывающем алмазы, бриллиантами не расплачивались с рабочими. Никто не знает почему.

Приехали круизёры в родной Лупоглазов. Не узнать. Кругом сады банановы и ананасовы. Дети весёлые и

умытые в парках на качельках раскачиваются. Автомашинов нет, а только велосипедистки и велосипедисты катят по проспектам. Воздух чистый как в родильном отделении. Народ счастливый до судорог в коленках. Заводы на окраинах работают во всю мощь. Дома строят день и ночь. Пришел парень из армии, а ему уже квартира и парта в институте подписана. Продукция выпускается наивысшего спроса и качества. Никакой безработицы, никакой преступности. Радуются женщины, поднимают на самый высокий уровень количество народонаселения. Все с колясками, а остальные беременные гимнастикой занимаются и книжки читают о воспитании малышек, кто не хочет читать, на лекциях дремлют и пинетки вяжут.

Как брильянтовой вазу взял Сергей свою дочку на руки. А тут мама Оксана вышла из кухни. Торт пекла. Мастерница она с детских лет. Улыбается, показывает новые зубы, выросшие на месте старых — кариесных. Научились зубы менять без пломбов и протезов.

— А говорили, что у ребенка валенки будут. Пророки. Доказывали, что по наследству передаётся овойлокование пимное, — говорил Сергей весело и счастливо.

Гудели Галькины почти неделю. Столы стояли аж до самого моста через речку Гарнаулку. Куда однажды на пляж пришел пацаном Сергуня с друзьями. Как народ ржал, увидев его в валенках, играющим в волейбол. Пиво текло без перерывов из бочек колёсных. Кому не хватило кружки, тот прямо из кастрюли по трубочке сосал Морсинское. Квасу не хватило на пятый день. Пришлось маме новый — заводить на хмелю, который им дед из деревни присылал. Он со своей бабушкой тоже участие принимать

начинал, но уехал на третьи сутки. Огород у них в там один остался. Кот Дёма хоть и ловит мышек, но пропалывать грядки не захотел учиться. Ему по заборам больше нравится гулять. Такой он вырос самостоятельный.

Прабабушка всё с девочкой водилась. Учила её читать объявления в газете. Пива не пила, а вот окрошки похлебала с удовольствием. Охочая она до этого блюда. Даже зимой кушает. Дед Вадим отвозил транспортом уставших есть и пить до мест проживания и ночевки. Мороженое раздавали на перекрёстках всем желающим даром, но просили упаковку не кидать куда не надо, а только в урны. Порядок соблюдали четко. Дружинники помогали друг другу красные повязки поправлять. Пригласили и парней из МЧС, которые первыми пытались валенки пилить на мальчике двадцать лет назад. Самого тоже позвали, который медалью чету удостоил и помог с жильём. Конечно, речь сказал, тост поднял за здоровье. Говорил пылко и горячо. Хвалил своих граждан за восстановление порушенного перестройкой сельского хозяйства и промышленности разного назначения.

Я был там. Событие не простое. Почти как праздник урожая, но летом. Видел, как Варечка, сидя на коленках у папы Серёжи, вдруг заулыбалась, повернула головку и похлопала его по носу. Сергей покачал головой. Тут дед Вадя подошел с бутылочкой. Он молоко грел внучке. Оказалось, что подмочила дочка папу. Смех поднялся. Вадим внучку взял, а Сергей пошел брюки менять. Тут валенки и снялись. Теперь они стоят в музее на своём месте. Если кто-то не слушает родителей, может эти валенки примерить, а что будет, потом я не отвечаю за по-

следствия.

2004 год, лето.

ДРУЗЬЯ

Перестройка началась. Народ и подумать тогда не мог, что жить придется самому, не ожидая подарков свыше. Кто умный ваучеры загнал и сразу записался в олигархи, а кто не сообразил, что народ начали дурить в полную силу, тот с важным видом вкладывал в разные фонды и прочую муру, ожидая обещанных двух автомашин на каждый ваучер. Дураку было понятно, что обманут обещалкины. Как верили, как поверили! Мыслимо ли дело так свой народ обдурить. В какой-нибудь стране этих брехунов привлекли бы к суду, но это в какой-нибудь. Тут надо отличать палец от морковки. Лимит скоро кончился на поступление в олигархи, как и кончилась работа. Ага, а выражения, что она родименькая не волк, никуда не убежит, а то, что дурака работа любит, нельзя не забыть. Так и получилось, что дураков пруд пруди, а работа стала редкостью, как зелёные алмазы. Пошли граждане искать работу. Легче в стогу иголку нашарить голым задом, чем на работу по своей специальности пристрогаться.

Вокруг нашего города Лупоглазова, где перестраивались все — от малого до старого, леса жутко дремучие. Непроезжимые и непроходимые. В самой сырой глухомани, куда ни то, что почта не доходила, а просто не ступала нога снежного человека, селились соловьи. Своими трелями заманивали грибников и ягодников, а потом находили их без документов и без талонов. Естественно, и без

билетов на электричку. Кроме соловьев в нашем лесу жили без прописки русалки, лешие и водяные. Русалки пацанов на дно утаскивали. Лешие девчонок щекотали за пятки. А про водяных никому ничего не известно плохого.

Навострились наши безработные грибы пилить и в заграницы отправлять в сухом, жареном виде, а то просто сырыми. Это одна тётя Мадакаха из депутатов родом посоветовала всем гражданам заняться грибами и возить их тачками и самолетами в центральные европейские города. У кого работы нет, можно открывать грибные кооперативы. Чего их выращивать, коли у каждой помойки этих трюхелей как пустых полторашек. Так народ и сделал. Ничего срамного в этом нет. Закон разрешает.

Грибы у нас рождаются огромные. Говорят, что из-за последствий полигонной деятельности, что неподалёку полигонил. Под шляпами в дождь по три телеги с коньми спасались. Находили и побольше, но только мухоморовые. Дух от них не полезный. Как после халявного перепоя. Мальчишки грибы пелят, грузят на подводы и везут на станцию. Конечно, русалков они обстерегаются. Задабривают чем-нибудь. То кириешков привезут, то мороженого, а то просто пирожков с капустой, а сладкого они не любят, зубы берегут. Конфеты пацаны сами кушали, если кто брал с собой. Водку или там красное лучше им не показывать. Пропадешь потом со стыда. Курящих тоже не балуют вниманием. Оно понятно изо рта вонище. Кто ж согласен поцеловать такого. Ну жевали смолу или какую жвачку, отбивающую смрад. Выходили как-то из неловкого положения.

Поехала одна бригада по рыжики. С ними был и Ваня, сын мамин. Мальчик с армии приехал на автобусе, поболтался, как банан в проруби, с неделю груши околачивал по горсадам, попил баночного итальянского квасу в последние дни недели. На пиво уже не давала его мама. Где она напасётся такого расхода средств. Ваня не умеет пить пиво один, всегда кого-нибудь позовет с собой. Девчонки выручали его, соглашались на это мокрое дело. Но от квасу отказались почему-то. Такая же водища и цветом схожа. Отказались. Сказала Вика, что ей уже грустно два дня по три литра квасу выхалкивать и скакать по кустам, а Лика (её подруга) согласна, но чтобы квас был с луком, мясом, сметаной, рублёными яйцами. Непременно, чтоб с укропом, крошеными зелёными огурцами и бананами.

О свадьбе и думать Ване грустно. Фату и колечки можно в аренду взять у знакомых, а кто закуску-выпивку даст? Люди еще привычны пить и гулять всерьёз, а не понарошку, чтобы и утром голова трещала как спелый семипалатинский арбуз. С невестами сегодня не так уж и сложно, а вот с работой, да чтоб еще и деньги за неё платили регулярно, не всё в порядке.

Об этом узнал и Ванин друг Алеша, приехавший на попутной электричке с армии на месяц пораньше. Они вместе груши пооколачивали, с колокольни облака разогнали в среду и задумались.

— Пошли на курсы специальность заполучать, — говорит Алёша. — Нынче клёво лифты угонять в Могнолию.

— Мы без курсов своё дело откроем. Станем мышей или тараканов по подвалам ловить и сдавать на опыты в

научные институты. Не нравится? Давай будем грибы заготавливать на лекарства, тикайцы вполне прилично платят.

— Наговорил, из мухоморов стали водяру гнать, а не лекарство, — возразил Алёша. — Выпьешь сто граммов и весь день дурак дураком.

— Мы и без мухоморовного вина всю жизнь, как эти самые далеко не умные, — сказал Ваня.

— Только ты никому не говори. Это еще не все знают. А мы первыми станем поставлять сырьё на винзаводы.

Ваня и Алёша паспорта получили лесные, лицензии выправили. Приняли их в коллектив грибозаготовительный. Технику дали современную. Показали, как лучше грибы валить, как шляпки отрубать, как возы увязывать. Всему научились у деда Макара. Полторы недели отбарабанили в лесу на грибах. Получили приказ, чтобы заготовили сорок возов рыжиков.

Сколько по лесу ни блукали, а мухоморов не находилось. Решили мальчики остаться. Говорят бригадиру Ифгению Стакановичу Макару, что не намерены время терять на дорогу и обратно, а решили пожить в лесу и заготовки делать до звёзд. План надо выполнять. Договор. Обрадовался бригадир. Выдал грибникам котелок, ложки и коробок спичек, а в запас газовую зажигалку. На всякий пожарный случай. Сам подумал, что пусть комаров покормят в лесу, ведь их не сеют, дураков, и не пашут. «Если русалки не зарусалят, будет нам задел, — сказал бригадир. — Парнишек бы не потерять, матери обидятся. Потребуют пенсию выплачивать».

Нашли пацаны и рыжиков две поляны и десяток мухоморов. Радуются. Песни песнюют на весь лес. Пошли обратно на стан, где у них палатка и котелок с недокушенной кашей остались. На чистинке у озерка увидели костер и несколько девчонок. Поют песню, но так жалостливо, что Ваня прямо кинулся через дикоросли к ним поближе. Алёша успел его за пинжак ухватить.

— Это русалки,— говорит другу. — Жить сегодня надоело?

Ваня не слушает его. Пихает в грудь кулаком. Всё не может понять, что русалки тусуются, заманивают. Они вообще, как настоящие люди. И одеты, скромно-прилично выглядят. Хвостов и в помине нет ни у одной. Отпихнул Алёшку и пошел на свет костра. Они, молча место, дали, а сами поют, словно ничего не произошло интересного. Глаза тарашит, как рыба карась. Какие же это русалки, когда туристки из Барнаула прибыли, чтобы воздухом надышаться свежим, птиц послушать лесных. Никто Ивана и не думает щекотать. Он забыл, что надо бояться этих девушек в длинных сарафанах джинсовых. Девчонки Ивана чаем угостили растворяемым. Позвали купаться. Он согласился. Ему одна девушка понравилась маленькая и ловкая. Лучше всех других через костер прыгала. Звать её Надя. Как и многих других звать — ничего удивительного.

— Ты, Ваня, не ходи в воду. Посиди коло меня. Пусть они моются. Им стеснительно будет. Вы же парень, а они все девицы.

Ване охота с девками побаловать, но слушает Надю. Сидит на траве и думает обо всём как-то отрешённо,

словно это и не с ним происходит. Девушки веселятся в воде, играют, хохочут и визжат на весь темный лес.

Опущу подробности этой встречи. Так уж ли важно вам всё знать. На второй день и Алешка прибыл посмотреть на друга. Убедиться, что живой, послал его бригадир Макар. Так бы он не пошел в буреломные места. Видит, что Иван жив, хотя и устал хороводы хороводить с туристками. Возрадовался окончательно весь. Подбежал к Ванюшке, обнимает, сам думает, чем тут занимался уже две неполных недели. Девчонки подошли, заговорили с Алёшей, спрашивают, как там, в мире, какие последние известия недавно были. Он отвечает. Радио слушал и телевизор на ночь всегда глядит. Всё знает. А что не запомнил, так приврал. А ничего ж не случится, если маленько факты местами переставить, что-то добавить. После сообщений старшая девушка предложила пройти к столу. Сели пацаны покушали, выпили березового соку и домой засобирались. А девчатки не пускают их, предлагают еще побаловаться в озере, мячиком поиграть. Ну и остались. Чего делать? Суббота. Можно и расслабиться.

Надя говорит Ивану, что у дружка глаз алчный. «Бойся его. Может в трудную пору оставить без помощи и содействия». Ваня слушает, но особо не верит. Вместе много лет росли. Из одного водопровода водой пользовались. Матери у них у обеих женщины. Родней и некуда. А отцы, наверняка, мужчины были. Сомневаться не приходится.

На седьмой день прощаться стали, номерами телефонными могли бы обменяться, но у ребят не было в карманах ни сотовых, ни мобильных, ни квартирных телефо-

нов. Старшая девочка обняла Ваню и подала ему кредитную карточку на память от всей души. «Ты заслужил, Ванёк. Триста семьдесят четыре года живу, а только поняла, как люди интересно устроены. Эта карта несжимаема. В деньгомате хоть сто раз в день снимай валюту, а она никогда не кончится. А что тебе мы можем по-дарить? Разве ж Надюшу ласковую? Так она еще мала. Ей всего семь десятков нынешним летом стукнула. Куда она тебе— малолетняя? Пусть подрастёт, годков через двести приходи. Мы вас оженим. Мы жены верные бываем. Надежно ведем хозяйство домашнее. Шучу так. Мы ж не старимся. Нам крем от морщин не надо. Росой умоемся и дряблость кожи улетучивается на все года— навсегда...»

— А мне, — сказал Алёша, чо-нибудь подарите?

— Мухоморов тебе даём целую полянку. Карточку неснимаему надо заработать, милый друг, сказала старшая девочка Марьютка. — Откроешь своё дело-бизнес ликероводочное или контору по экспорту-импорту грибного материала.

Идут друзья по сограм, по гривам урёмным, разговоры разговаривают. Планы плануют на остатки жизней. Ваня говорит Алёше, что первым делом он у первого же деньгомёта спешится и наметет десяток кулей валютных денег, чтобы можно хату взять отдельную на земле с тремя ванными, машин пять или четыре. Если у одной чо замарается, можно не мыть, а на следующей ехать, а ту пыльную — на дождик выставить, чтоб начисто промылась.

— Завод купишь, если захочешь, станешь мухоморовку на рынки поставлять. Не будет желания, так по све-

ту давай круизовать. — говорит Ваня, а друг его молчит, губу закусил и идёт сбоку, словно что думает серьёзное, а потом оглянулся. Не видит кто его мысли. Конечно, Ванька поделится деньгами, но это же надо подачку принимать от дружка, вроде как зависеть от него. А валюта кончится, надо идти и просить. Просить никто не хочет, даже и у друга. Алёшке просить — так лучше три смены канализацию прочищать, чем у кого-то выклянчивать. Гордый парень. Это и не очень плохо. Остановились друзья на ночлег. Костер распалили жаркий. Поставили чаёк, достали пирожки и разные рулеты с грибами и колбасой. Это назвали нынче пиццею. Слово какое-то куриное. Раньше просто звали кулебякой. Девчонки им в дорогу собрали много чего вкусного. Рукодельные и среди русалок бывают иногда. Руки есть, желание — вот и пекивари. Алёша незаметно в кружку Ивану сыпанул порошка ядовитого, который купил для травления тараканов и блох в диване. А чо по злу не сделает человек, а тем более из зависти.

Нашел я Ваню Типсина спроть стана грибовальщиков в десятом квартале случайно. Там уже сто лет никто не валил грибы. Пересохла заливная хомутина. Грибы от сырости хорошо растут. Не знали? Мы с внуком Володей отправились рыбку половить на дождевых свежайших червячков. Вовик их самолично лопатой откапывал у заборной кучи навоза. Хороших червячков наловил. Жирных. Специально для рыбы крупного размера. Он всё знает. С отцом постоянно куда-нибудь крючки на лесках в рыбные места кидают, чтобы как-нибудь наловить хитрую рыбу для производства ухи или еще как-нибудь за-

жарить на сковородке. Остатки рыбные обычно они солят солью, а потом через два дня на четвертый рыбу вешают как бельишко на просушивание. Хомутина частично травой водяной поросла и высохла до самой середки ближнего края, на котором я рыбачил с другим внуком Серёжей в ранешнем году. Помотали удилищами для очистки совести и пошли себе куда глаза смотрят. Вова не остановился на достигнутом белом грибу, который добыл по дороге у кривобокой сосны. Там всегда, как лето, гриб вырастает. Такое место. Ищем мы уже вдвоём грибы белого состояния. Они маленькие у хомутины. Вполне одни такой гриб сможем унести. Если дальше идти, то мы бы такой гриб не смогли до города докатить. Даже если бы Вова этот гриб перепилил каким-нибудь пильным предметом на пять частей. Не смогли. Искали мы грибы, а смотрим, лежит Ваня Типсин. Пульсы нет нигде, но живой. Вова сразу же оживляющую помощь позвал по сотовому. Те махом приехали.

Не успели мы еще раз пульс поискать, а они тут. Ваню враз в ходок кинули. Сестра ему стала сразу промывку всего организма делать. Как есть всех органов, какие при нём в то время были. В лес пошел он нормально. При хорошем содержании внутренних и наружных предметов жизнедеятельности.

Мы с Вовой на левом повороте спрыгнули. Нам к трамваю ближе оттуда идти, а они — врачи, сестры и лошади поехали в Земляничный Лог к Медведеву. Обычно дело. Как у кого чего, так бегом к нему. А еще куда? Он вылечивает бесплатно всякие ненужные болезни. Подерутся пацаны в садике, так если у кого сустав из привыч-

ного места выйдет, а коли сустав у тебя не на своём месте, ты ведь не то шляпу не сможешь найти в сенцах, карман на рубахе не застегнёшь, значит надо к костоправу Медведеву. Верно? Это всякий ребенок у нас знает с рождения. Пока везли, стали неотложно помощь по второму кругу оказывать. Гнули колени, на пупок давили, в ушах щекотали, по щекам лупцевали. Не въезжает в сознание Иван. Управляющий конём предложил новейшее средство. Снял носок и поднёс беспмятному к носу. Нашатыря у них не было. Кончился, аммиак его раствори. У ворот Ваня очухиваться стал, Глаз открыл, внимательно оглядел всех и снова закрыл, чтоб носок не видеть. Тут Медведев дядечка пришел и унёс больного в баню. Обычное дело. Баня только что от глупости и безденежья не лечит. Очухался в тепле Иван и вспомнил что и почему. Хватъ за карман. Кармана нет.. Он в плавках на полке лежит. Таким его и привезли.

Лечится Иван у Медведева второй день, а его друг Алёша вернулся на то место, где друга бросил умирать от ядовитого порошка. Может, совесть замучила, може, хотел убедиться, что Ванёк дуба дал. Осмотрел каждый кустик. В каждое дупло нос сунул. Нет нигде любимого друга. Решил он, что лесные волки растерзали отравленное тело, а сами тоже убежали помирать в страшных мучениях в дальние дремучие места.

Что теперь делать? Как маме сказать, что погиб от клыков Иван, когда грибы пилил один на поляне. Потихоньку снял сколько-то много рублей и начал кутить напропалую. А люди думали, что с горя парень убивается. На пятый день Алёша отбыл в крайцентр, где сказывали и

развернулся на всю железку. Сорит деньгами, как семячной шелухой. Неукротимо тратит денежки, словно хочет, чтобы закончились, не думая, как придёт завтра и что принесёт. Голова кружится от свалившегося денежного довольствия. Вокруг друзей образовалось, как в воронке тайфуна или смерча. Все вертятся, но у каждого своя орбита и своя скорость потребления чужих денег. Девочки, узнают о богатом дурне по особому запаху грусти и необходимости стать еще дурнее.

Ваня после оздоровления стал как пасхально яйцо — добрый и красный, как артист Петросянов. И еще симпатичней. Медведев посоветовал Ивану не ябедничать не ходить ни в органы, ни к честным гражданам бандитам, которые в городе справедливость блюдут и наказывают за сволочизм и нечестность. Друг сам себя накажет за обман. Поплатится своим именем и достоинством.

— Ваньша, тебе надо по врачебну делу идти, мой опыт перенять навсегда, — говорит дедушка костоправ из Земляничного Лога.— Я вчера нашел на поляне, где траву целительную от сахарной болезни собирал, два куриных перышка. Хочу тебе их отдать. Если черным пером провести по телу любого человека, то он через неделю станет покрываться язвами и пролежнями, как настоящая проказа. Ни одна клиническая больница не выходит от этого куриного гриппа. А если белым пером провести по чьёму-то телу, то оно станет таким неприлично здоровым, что сто лет живи без насморка, без похмелья. У кого какие рубцы и шрамы, так рассасываются навсегда. Если на войне кто инвалидство получил, так все органы или конечности отрастают. Про зубы и говорить нечего. Поэто-

му на инвалидные комиссии призывают по сию пору безруких и безногих, всё ведь может быть — отрастут утраченные кончености. Кто парадантозами маялся, кариесом или косозубием, так забывает тот страдалец о своих болезнях. Зубы отрастают крепкими и неснашивающими. Хоть проволоку кусай, хоть бутылки открывай.

— Согласен я, дедушка, вашу жизненную дорогу дальше протаптывать. Буду людей доводить до совершенной здоровья и счастливого жизнелюбия. Учите меня, не жалейте розгов.

Прилежанием Иван не обижен. Учится всему. Запоминает. Всю латынь вызубрил. Без латыни не сдать на фершала. Не разрешат клинику открывать по врачебной практики. Ездит на автобусе Иван в Земляничный Лог. Надо было ему связаться с Викой. Сама пришла. Не выгонять же. Пусть хоть пол подметёт или чего сварит в свободное от телевизора время.

Уедет Ванёк на неделю. Приезжает, а дома форменные проблемы. Мама сама не своя от такой невестки. Ругаются. Койку свою дерюгой даже не застилает. Полы не моет, а гуляет по городу в ночнушке с пацанами в парке. Всё говорит, что у неё руки ноют, голова таблеток просит. А почему с больными руками шла в замуж не говорит. Сначала бы грязями вылечилась, а потом и о семейном положении думала. Понял, что эта девушка не помощницу ему. С утра, с тринадцати часов начинает лицо перед зыркалом мазями пахучими наващивать. Журналы на диване смотрит, будто там чего-то пишут, как надо кашу из крупы сготовить. А там про каши никто не написал, а всё про модные одежды и украшения картинки на-

печатаны.

Приедет на побывку Ванёк, а в рукомойнике даже воды нет. Кошшонка удрала с голоду и плохого внимания от Вики. Мама Ванина к сестре выехала на временное поселение в город Расслюнявск. Пришло время организовывать лечебницу по редким и другим нежелательным болезням. Влез в большие долги Иван, чтобы вывеску вывести над дверью арендованной комнаты, чтобы, как водится, взятку дать нужному человеку. Без этого никакое дело не сдвигается с мертвой точки. Для оживления этой точки и дают. А еще надо оборудование установить, купив его на медицинском аукционе. Один ремонт потянул Ванин бюджет на самое глухое дно. Три ведра извести только на потолки ушли. А сколько половой шпаклёвки потребовалось, чтоб полы засверкали зеркальными разводами? Уму не достижимо. Тут вспомнились слова Надьки из лесной глухомани, чтоб он не доверял другу. Полоротому не раз говорила мама: не верь, не бойся, не проси, не удивляйся и не спи, когда товарищ не спит. Сидит Ванёк в кресле, а сам весь в исподнем, в белом. Мама полы в десятый раз швабрит. Она всё время помогала, а Вика сервис кофейный на две персоны свадебный продала и уехала от больницы на желтой машине такси. Познакомилась на базаре с факиром, который наперстки крутит. Вика народ лупоглазовский приманивает голыми коленями. Как склонится, так многие спешат очередь занимать, спрашивая чо дают— арбузы али ж тыквы. Оглядел Иван стенки— красивый европейский ремонт. Поглядел на окно— пластиковые рамы. Чо больным надо сегодня? Лечи свои болезни и живи дальше здоровьем попыхивая. Мама в

приёмной комнате графини протирает ватой гигроскопной. Вторую неделю больных ждут.

— Мама, сходите на улицу и затащите к нам в покои хоть одного завалящего больного, пусть даже желающего лишь бюллетень получить, а не комплексное здоровье. Был бы больной, а болезнь отыщется.

Убежала мама на улку больных ловить. Иван допёр, что он об рекламе не позаботился. Помчался в радиокомитет. Его выслушали, записали на ролик, а оплатить ему оказалось нечем.

Они живут на мамину пенсию, из которой больше половины уходит на оплату услуг тем, кто воду даёт, кто батареи греет. Греют зимой, а платить приходится каждый месяц. Кошке на вискас не доставалось средств. Приходилось ей кушать моченый хлеб в супе из костей. Не сдержалась она и убежала жить в подвально помещение.

— Дорогая девушка редактор, я заплачу втрое больше, но не сегодня, а попозднее. Врач я по самым редким заболеваниям. Вот и диплом у меня, подписанный Медведевым из Земляничного Лога. Я у него перенимал ценный костоправский опыт.

— Что вы можете? — спросила невзрачная такая девица с сигареткой в одной руке и мисочкой с кофе в другой руке.

— Лечу коклюши, бронхиты, вывихи и завихи

— А конкретнее?

— Могу органы увеличивать или уменьшать. Могу конечности наращивать, оставленные на войне или еще где.

— Это уже интересно. Мне бы это пригодилось...

— При таких фокусах и приходят без зелёных? — усмехнулась тётка, печатавшая сценарий на компьютере.— Ноготь сломала недавно об дверные ручки. Без ногтя не получается хорошо и скоро печатать.

— Нет особых проблем, — сказал доктор Иван, а сам волнуется до дрожи в пятках. Не пробовал он ногти оживлять. Суставы вправлял, радикулиты спинные и мозговые вылечивал, а тут товар такой— ни жил в нём, ни сухожилий, а сплошной текстолит, извините за грубое слово. Завёл эту особу за ширму в комнате зарядки кинолент, велел раздеться до тапочек. А сам вынул коробочку с белым пером. Он и забыл о подарке, если честно сказать. Сначала хотел маму вылечить от безденежья, а потом, просматривая атлас человеческих несчастий, понял, что безденежье— это не порок, а это состояние жизни. Провел в полутемноте тётке по пальцу, велел сделать приседание и показал дыхательную гимнастику, придуманную тут же.

Села пациентка у своего прибора с экранчиком, стали ждать результатов медпомощи. Секунды Ивану годами службы показались в армейской среде. Сейчас вызовут охрану и попрут, как проходимского афериста. И тут ноготь помаленьку стал вытягиваться. Все трое смотрят, как на удава крольчата. Ноготь уже на дюйм восстановился. Ещё. Тётя как завопит:

— Хватит, куда мне такое счастье? Только в книгу Гиннеса не хватало мне попасть сегодня! — Иван тоже сказал своё веское: «Хорошо. На месте стой!» А радиотётя покачала головой.

— А мне, уж такое дело пошло и посчастливилось,—

поскакала за ширму раздеваться. ...Ваня смотрел на неё и всё ждал, что она скажет, что ей уже хватит. Тётя руками поддерживает изо всех сил, но молчит, словно в рот кофе набрала. Остановил Иван процесс и задумался, глядя на женщину, которая не стала видеть не только своего животика, но и ног, когда села.

И пошел народ к Ивану как из пушки. У кого денег нет, так территорию вокруг кабинета подметут, а кто мести не умеет, так пыль с окошек стирать учится. Купили сейф Типсины, скорой обслуживающей помощи автобус, чтобы народ из глубинки доставлять. Мама Иванова каждый день в новых калошах на базар ходит, пищу здоровую покупает без холестерина и нитратов. Ваня радуется, что работа у него кипит с утра и до заката. Кому что лечит. Направо и налево спешат по домам здоровые люди. В книге жалоб и предложений сплошь благодарные надписи. Костыли и прочие протезы дворники в кучи складируют и в утильные пункты грузовиками сдают.

Ивану дали почетное звание гражданина Лупоглазова и Диплом «мастера «золотые» руки». Художники бюсты из прежних костылей отливают и устанавливают на каждом углу. В газетах пишут об клинике Ивана Типсина всякие небылицы. Завистники хотят его частную практику уничтожить в корень. Аптекари бастуют, лекарства никто не покупает, потому что во всей округе не осталось ни одного живого больного. Те, кто не обследовался по причине своей нерасторопности, числятся по сию пору долгожителями. У них синдром неизлечимого здоровья. Ничего не получается. Налоги он платит исправно, хотя и не работает. По причине отсутствия объектов ле-

чения. Но комиссии идут одна за другой. Ивановы юристы крутятся белками. «Не делайте добрых дел, не будете виноваты», написал Иван на своей вывеске золотыми буквами.

— Поехали, мама, куда глаза глядят. Я море только в картине

«Пираты XX-го века» видел,— распорядился выдать себе и маме зарплату за сто лет вперёд, а остальные деньги передал в фонд лесного заповедника, где обитают звери и другие жители. Только они собрались на поезд идти, как вошел к ним без стука старенький человек в полосатом пиджаке и в лиловом вечернем галстуке. Это оказался местный активист-домушник или надомник, если так можно его назвать. Ребята его дразнили — Стук Стукичем, но он и не обижался. Есть такие люди. Ты ему хоть что говори, а он улыбается во все зубы, которые еще есть. Зато через месяц, через полгода он так отомстит, что не возрадуешься своей глупой шутке. Он такой. Прост, как правда. Но кто её видел? Кому её показывали, тот там и остался стоять и удивляться простоте этой Великой правды.

Говорит Стук Стукич ласково, обходительно. Еще бы, он при царе кляузы писал, при советской власти доносы строчил, а уж при перестройке тонну бумаги извёл.

— Не можешь ли, Иван, думу нашу городскую полечить, чтоб думала, как народ сделать счастливым, а не бедным. Татуиرونные кресты наловчились с нищих снимать. Пенсию мне дали ровно на двадцать бутылок водки. Или водка очень дорогая, или начислили, не подумав, что мне еще и как-то умудриться на эту пенсию не то, что полмесяца прожить, а и умереть невозможно. Себя-то они

не обделили. Щедрые наши народные избранники, поборники справедливости и гаранты счастья. Я вот не понимаю, для кого сделали перестройку. Перестроили сарай в балаган. Каждый месяц лучины дорожают. В потемашках ужинаю. Боюсь пожара. Экономлю на спичках. Сгорим всем городом и пожарники не смогут загасить пламя нищеты и бесконтрольности. Ты весь больной наш народ сделал здоровым, но стал ли он честным и великодушным.

Вопрос. Лечить надо, вправляя душу, а остальное потом. Хочу быть твоим доверительным лицом, чтоб тебя до депутатского мандата довести.

— Не получится у меня ничего. Я еще глупость не научился лечить, а жадность и воровство— совсем не лечатся.

— Попробуй. Ты у нас человек года и даже почетный гражданин всего города нашего старинного...

— Не умею я в думе без дела сидеть. Не смогу законы выдумывать на ровном месте. Как ни корми муху, слоном ей не стать.

— Не таких избираем, а вот каких. Ты у нас всем зубы отрастил, зрение добавил на все глаза, а про тракт желудково-выходной и говорить нечего. Ни тебе язв, ни геморроев. У меня раньше после селедки с кефиром всегда выходила диарея, а нончесь. Всё подряд мету и не пукну. Место твоё в самой думе. Отдел возглавишь оздоровительный, станешь по телевизору людей лечить, чтобы они не старели и не вредничали. Я же совсем изменился—на сто процентов. Сплю отлично. Доносы нет времени писать. Днём в парке гуляю с девушками. Мороженое куша-

ем молодыми зубами.

— Подумаю. А что делать? Делать совсем нечего. Больных нет. Дети рожаются без патологий.

— Да, Ваня, недавно ходил на крестины к бабке Зойке. Она двойню принесла девчонок. Показатель твоего труда.

— Павел Никанорович, а какая городу разница, где Иван будет работать? — спросила мама, собирая в рюкзак вещи. Билеты на пароходный корабль туристский уже достовальщик принёс. Мама яиц в дорогу наварила, соль в тряпочку насыпала. На этой клайнере может всё будет, а соли и не найдут. Такое часто бывает— всё есть, а пустяки за границей покупать приходится, потому что на мелочи не обращаем внимания. Железный утиль продаём, а сами тракторы и самолёты привозим, одна доставка влетает в копеечку. Могли бы и дома автомобили делать хорошие, но времени нет у конструкторов заниматься пустяками и мелочами. Они заняты все, чертежи чертят космических посёлков и санаториев. Нету специалистов по мелочам. Все работают по-крупному.

— Никакой, — растерялся гость. — Что в лоб, что по лбу. Но... хочется Ивана в секретари выдвинуть. Нет уже секретарей? Есть что-то другое. В предводители, в губернаторы.

— Подумать надо, — сказал Иван, застегивая выходной пиджак на все пуговики.

Пошли как-то утром мама с Ваней на стамбульский базар за овощами к завтраку или к обеду. Видит Иван вроде как знакомое лицо стоит у кинотеатра и шкурками торгует от свиного сала. Грустно ему стало. Обидно. Вика

вся обрадовалась, кинулась обнимать, а сама ластится и плачет, как вдова на поминках в ресторане, когда счёт велик принесли.

Мама репу выбирала, чеснок сыпала в кошёлку. Когда подошла, сын ей говорит:

— Вишь, мама, землячку нашу встретил нечаянно у мечети. Не взять ли нам её техническим персоналом тебе в помощь. А вы станете главным специалистом по половому маркетингу.

Мама вздохнула. Девка пригожая, а малость с придурью оказалась. С кем не бывает в молодости. Жизнь поучила, покатала по пыльным дорожкам, как бык обезьяну. Согласилась мама. Сказала, как обычно, дескать, мне её не на поветь, а лишь издали посмотреть.

Загорали, как ненормальные. За солнце тоже плачено в путёвке. А кушала Вика хорошо. Значит, её берег турецкий не очень надорвал работой. Устраивалась она в буфет раздатчицей и на полставки в гареме заложницей вкалывала. Полечил Иван, когда спала. Получилась она лучше новой. Одежек прикупил на распродаже. А вечером они поехали на пирамидки смотреть, у Сфинкса мудрости набраться какой-нибудь. В Египте египтян мало. Одни туристы и верблюды. Маме не понравилось— ни колбасы ливерного производства, ни селедки малосолевой. Вода и та консервированная. Захотела мама домой в родной Лупоглазов, где и дождики есть и снег, когда октябрь придёт. Всё о кошшонке тосковала, сидя под зонтиком у бассейна. Вика така ласковая и урядливая. Ваню на фотокамеру снимает каждый день, по несколько раз. Заботится, как умеет. В школе не проходили, как надо это

делать, экзаменов не сдавали. На самотёк пущена эта специальность в школьном образовании.

Однажды в вечернее время после полуночи, когда они из кофейни шли, заметили на стоянке такси невзрачного товарища, который стекла обмывал из оранжевой клизмы. Пригляделись всеми глазами и узнали Алёшку. Сначала решение было, что он на киноплёнку снимается в сериале. Аппаратов киносъёмных поблизости нет, осветители не светят, а режиссёр не орет в рупорный громковещатель. Подошли. Не придуряется. Уши обморожены до щек, как у кота весеннего периода. На ногах цыпки от антисанитарии, а на голове шапка из бараньего каракуля, объединенная молью до последней черты. Бог наказал за коварство хорошего человека Алёшку. Жадность попутала на том этапе жизни его, доведя до преступления.

Не узнал Алёшенька друга. Катаракта и трахома от невесёлой болезни глаза изломала насквозь до конца. Ванюшка давал клятву костоправу Медведеву, что будет всем, не взирая ни на пол, ни на денежный потолок, любому встречному-поперечному больному помогать всем — и деньгами, и кровом, и одеждой. А напрочь лечить болезни в первую очередь. Гумоноид — чего с него возьмёшь. Клятву отдал, а обратно не взял. Зачем она ему? Алёшка по голосу вспомнил своего любимого друга детства. На коленки упал, лбом колотит ступеньку, как десантник, в майский день. Того и гляди раздолбит памятник средневековой культуры и туризма объект, связавший все страны мира и соединивший народы в пункте посещений.

Вернулись в Россию они безболезненные и отдох-

нутые. Только мама подумала отчего-то, что довольно много странных совпадений и встреч оказалось только за один чартерный рейс. Любой бы лупоглазoveц глаза вылупил, что обычно и происходит, но Иван никакого значения не придавал, а написал приказ о зачислении Алёшки на полставки уличного дворника. Вике положил оклад менеджера по половым вопросам. Откуда-то и Лика прилупындилаcь. Никто понять не может; то её не было, то она квасу просила с рублеными овощами, сметаной и отварными рёбрышками, когда пацаны грибными бизнесами занимались, а теперь она есть, и тоже чего-то хочет своё показать. Белые халат где-то сшила с большой дыркой на спине и даже на животе, весь шрам от первой операции аппендицита издалека видно без очков даже мне.

Работают они все вместе. По самым дальним поселкам ездят, на самой высокой скорости, чтобы найти больных граждан и сделать их здоровыми и счастливыми. Люди побаиваются и прячутся куда, кто может. Им никто не объяснил, что эти в белом приехали с добрыми намерениями вернуть им прежнее состояние, когда они еще были очень молоды и не знали вкуса лекарств. Ведь бояться человек привык с детства. За порванную одежду, за двойку, за прогул, за всё человека наказывали даже и за то, что он и не совершал вовсе. Не боятся только очень умные или очень не умные. Одни потому что не понимают ни шиша, а другие знают, что всё им как с гуся водичка — не будет никакого плохого воздействия. Кого-то ловили облавами, кого-то заманивали товарами и продуктами импортными, а кого-то Ваня успевал набегу сделать

здоровыми. Но много в лесах скрывался и в горах прятался. До сих пор встречаются дикие племена, которые не оздоровлены, боятся переписи населения — вот и прячутся.

Тогда Иван стал пропагандировать свои направления в оздоровлении населения сёл и городских окраин. Тогда многие использовали эффект телевидения. Воду делали целебную посредством дяди Чумака, грыжи лечили и бездетных гражданок обременивали по сто и более за сеанс. Иван удлинял кому что надо, приращивал руки или ноги, ум вправлял, если успевал, уродов превращал в красавцев посредством мордо-свортной хирургии. И всё это производство имело постоянный знак качества и гарантию на многие года, аж до самого конца жизненного пути.

Друзья не дремали. Они всё вынюхивали и вышпионивали, пытались узнать самый главный медицинский секретный препарат, которым Иван пользуется. Конечно, наняли работников слежки и наблюдений. Вика и Лика стараются выведать хоть одно название травки. Ванёк то начнёт возами заготовливать девясильный корень, то на солодковый перекинется. Многим больным он прописывал берёзовые почки на спирту с мёдом. Отдельным больным предлагал крапивой париться, в чай заваривать, в суп крошить вместе с лебедой-травой. Смешно стало Ивану наблюдать вокруг себя такое постоянное кружение. Решил он подыграть своим друзьям. Мама его предостерегать начала, видя потуги Вики и Алешки, секрет вызнать медицинского образования. Лика вполне нормальная девушка на вид. Графины и прочие предметы в боль-

нице старательно от пыли моет. Иван посмеивается себе, как настоящий сатир. Несколько раз он из сейфа вынимал коробочку с пером и лекарства размешивал им. Поняла Вика, что это и есть врачебное оружие. Алёшке протелефонила. Утром случилась кража в сейфе металлическом. Собаки следовые ничего не нанюхали, но вскоре Алёшка подал заявление на расчет, дескать, захотел профессию сменить и стать жителем другого региона.

Вика и Лика уехали с промоутерами, и занялись будто бы сетевым маркетингом, продавая пищевые добавки. Обещали помогать с дороги, как только смогут наладить свою сеть. Иван перестал временно граждан принимать, сетуя на то, что кончились поставки из-за границы синего йода. Но в соседней области началась рекламная компания нового метода исцеления всех больных за умеренную плату. Писали в газетах, что фирма прогорела вскоре. Лекарство не действовало на большую категорию, и недолеченные начали через органы высуживать моральный вред и неустойку.

Народ перестал судов бояться сегодня. Так и норovit соседа в суд затянуть, чтоб, не работая, не потея, сорвать себе на кусочек хлебца ломоток сальца или икорки. В прошлое лето в судах дел было штук пять-десять, приставы и судебные исполнители курили целыми рабочими часами, а вот в прошлом месяце никакого продыха им не было. То кредитами друг дружку дурят, то порученцев за ссуду подставляют. Так ловко научились оформлять рассрочки на дорогостоящие предметы квартирного обихода, что даже родственники рыдают от своих же племянников и сестёр, которые тырят брошенные на комоду паспорта и

бегут в банки, не взирая на возраст и обувь. Часто босыми.

Перо своё Ваня рабочее воткнул в крыло, которым мама пыль сметала с порога, а простое пёрышко положил в коробку. Вике рассказал как-то ночью во время сна о своей медицинской силе, о возможности вылечить всё земное поголовье страждущих от ненужных и неприятных болезней. Подшутил над друзьями, думая, что же дальше будет. Результат не заставил себя очень долго ждать. Поняли, что Иван провёл их на мякине. Стали телеграммы слать и прощения выпрашивать. Девчата те всё больше слали эсэмэски. Потом все гамузом приехали, как нашкодившие коты. Жили-то хорошо. Зарплату им мама начисляла, как директорам среднего завода, работающего на остатках сырья и материалов, что на складах остались от прежней плановой экономики.

Ваня Типсин зла на них не держал никакого. Каждый может ошибиться. Так и сказал своим друзьям:

— Прощаю вас, а не хочу видеть, тараканье племя.

Они улецают его словами ласковыми. Слезами и соплями захлёбываются, клянутся самыми страшными клятвами, и даже честное слово давали сто раз. Алёша возьми, дескать, век воли не видать. Иван послал их на хутора бабушек лечить. Жалел, но что делать. Трав надавал и книжку подарил по народной медицине от самого Малахова, чтобы самообразованием занимались в свободное от отдыха время, а не обманывали пожилых сограждан.

Стук Стукыч каждое утро приходит к маме Ивана и агитирует их в городскую думу. Мама не сдаётся, гово-

рит, что ей и вне этого собрания хорошо, что не надоело дышать свежим и чистым воздухом. Обещает ей кресло спикера на худой случай.

Иван стал избегать настырного дедушку. Спрячется где-либо и варит препараты от краснухи или от запоя. Всё надо. Перо оно не всегда помогает. Случается и промашка. Тут надо и головой подумать и литературу почитать, а то и в Интернете пошариться. Он звонит, советы записывает, проверяет сначала на себе, а уж потом начинает другого человека от хвори исцелять.

Идёт время, катится, словно мячик с горки. Не успевает Ваня позавтракать, как мама ужин несёт. За работой время летит как пуля из патрона. Это в детстве, когда в школе учишься, чтобы умным вырасти и человеком себя чувствовать среди людей, время подкрадывается на кошачьих лапках, как молочный кисель тянется.

Вдруг почтальонная девушка Ивану почтовую телеграмму принесла. Почитал он её и ничего не может сообразить. Подумал, что больная приезжает с плохими ногами, раз просит её встретить на железнодорожном доме, куда поезда зеленого цвета подчаливают в нужное им время. Это пассажиры приходят когда им вздумается—кто раньше, а кто и поздно, когда уже нужный вагон увезли в какой-нибудь город Жомск или Грудцовск. Запрягли ему Серка, поехал он с мамой и доверенным лицом в зал ожидания пассажиров.

— Не прибралась я, — говорит мама. — Надо было с хлоркой пороги пошвабрить. Невесть кого встречаем.

— Ничо. Я вчера лампой инфракрасной всё осветил и люстры установил Чижевского, как дядя Медведев со-

ветовал...

Паровоз засвистел, вагоны суставами заскрипели, видно много солей отложилось, надо выводить корнями подсолнухов. Вокзальное радио что-то громко сказало на чисто вокзальном языке, а что никто ничего без словаря не понял. Пошли люди к справочному окну, где за денежку всю будущую жизнь расскажут и пожелают счастливого пути. Арендовал это красивое окно мальчик с лицом цыганской национальности. Выход на перрон арендовали мальчишки с лицами лупоглазовской национальности. Каждый пирожок и пончик разрешено брать в аренду. Тут же можно оформить кредит на них или ипотеку. В туалете кругом розы, запах, настоящий на хвойном дезодоранте, перемешивался с ароматом хлорки. Букет коньяка «Налейте, друзья» можно вдыхать по приобретению проездного билета.

Идут Ваня и мама вдоль похрустывающих утомленных дорогой вагонов и пассажиров, ищут всеми глазами свою пациентку. Видят, что бежит на них девочка с розовыми бантиками в весёлом платице. Лет трёх или пяти. Быстро бежит. Асфальт в корявинах. Запнётся ребёнок. Кинулся Ваня вперёд, как настоящий вратарь. Стой! — кричат все носильщики и лотошники. Бежит. Словно ветром подхваченная. «Оксана, не бежи!» — Орёт Ваня не своим голосом.

— Чего разорался? Спать никому не даёшь? — привычно заворчала из детской старуха. На улице еще ночь кругом.

— Сон приснился, как Оксана встречала меня и бежала, а потом упала и ободрала колено. Который год я

вижу этот сон. Она всё бежит. И всё падает, а я не успеваю её поймать. Хоть бы во сне её подхватить, но не получается.

Утро начиналось на улице весеннее, но еще февраль и до настоящей весны далеко. Разве что уснуть, подумал я и узнать, что будет в конце этой сказки. Сплю и за Иваном слежу.

— Па!-па! — закричала девочка и тут же упала, запнувшись. Подхватил её Иван, осматривает колено, грязь вытирает с кожицы детской. Заглянул в лицо и дыхание у него замерло где-то внутри. У девочки было его лицо, как на фотографии, где он сидит на лошади, а кругом серая пелена и метель наворачивается. Это дядя Григорий пригласил мужчину с фотоаппаратом. Просил я его встать рядом, а он не захотел. Когда смотрю на ту детскую фотокартонку, всегда вижу рядом его.

Надя подошла с сумками и пакетом. Мама Типсина взялась плакать. Вдарилась в рёв просто-таки. Остановить её невозможно ничем. Смотрят на всю эту картину и никто ничего не понимает. Даже милиционер подошел, хочет понять отчего плачет бабушка с девочкой. Может, их в угол хотят поставить за скверное поведение. Смотрит Ваня на девочку и глаза не может отвести. Его обличье. Просто ксерокопия— ни дать и не взять.

Выяснилось нечаянно, что Надя — дочка лесника Колпакова приехала с подругами на каникулы. Вот и отмечали день Ивана Купалы. Иван не верит ей. Глаза у неё, как жидкий купорос — не зеленые и не синие. Колдовские какие-то. Каких в правдишной жизни никогда не бы-

вайт и быть не может. Смотрит Иван паспорт, листает и ничего не понимает.

...Бабушке на все эти проблемы далеко наплевать. Учит девочку травки заваривать. на базар водит и там балует ребенка до потери кошелька. Покупает мороженое сливочное пломбир. Конфетами закармила до желудочной колики. А Ваньку не слушает.

...По белу свету катаются, как Кожухов с ребятами. В Париже с Эльфелевой каланчи мыльные пузыри пускали. Да так здорово у них это получалось, что Надя вскоре и принесла двух мальчиков, назвали их по-нашему, по лупоглазовски — Глеб и Тимофей. Мама рада. С внуками играет и песни поёт:

— Шумел камыш, деревья гнулись...

Алёша с голодухи украл в последнем колхозе последний хомут во время посевной. Как врагу колхозного народа, дали ему политическую статью. На все десять лет послали дрова готовить для школьного здания в Земляничном Логу. В нынешнее лето земляники наростло очень много. Крупная. С кулак Аришкин. Костоправ Медведев уехал на пенсию к дочери. Мы с Вовой и Аришей по ягоды ходили. Приходите в пятничную среду чай пить. Варенье очень ароматное и полезное для здоровья.